

Герман Романов

**СПАСТИ
КОЛЧАКА!**

«Попаданец» Адмирала

Спасти Колчака

Герман Романов

Спасти Колчака!
«Попаданец» Адмирала

«Яуза»

2011

Романов Г. И.

Спасти Колчака! «Попаданец» Адмирала / Г. И. Романов —
«Яуза», 2011 — (Спасти Колчака)

Хорошо «попаданцам», заброшенным из нашего времени на Великую Отечественную, – там сразу ясно, кто друг, а кто враг. Но что, если тебя угораздило попасть в самое пекло братоубийственной Гражданской войны? Декабрь 1919 года, Сибирь. Верховный Правитель адмирал Колчак стал заложником грязных политических игр интервентов и «либералов». Судьба белой России висит на волоске – с запада наступает Красная Армия, в тылу разгораются эсэровские мятежи, а взбунтовавшиеся «белочехи» захватили 20 тысяч вагонов с русским добром, окончательно дезорганизовав железнодорожный транспорт, сорвав эвакуацию и обрекая на смерть десятки тысяч беженцев, а вдобавок еще и наложили лапу на золотой запас погибшей Империи... Оказавшись в теле колчаковского офицера, наш современник, ветеран Афгана и Чечни, должен переписать историю, остановить иуд, отбить золото Адмирала и спасти Колчака!

© Романов Г. И., 2011

© Яуза, 2011

Содержание

ПРОЛОГ	5
ГЛАВА ПЕРВАЯ	13
ГЛАВА ВТОРАЯ	49
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Герман Романов

Спасти Колчака! «Попаданец» Адмирала

ПРОЛОГ

Иркутск

(22 декабря 1997 года)

– Эх, Костя, Костя... Гляжу я на тебя и понимаю, что честно служить такому государству нельзя!

Сидевшему на колченогой табуретке мужчине на вид было лет тридцать пять. Застиранный и протертый на локтях свитер, вытянутые на коленках треники и стоптанные шлепанцы вкупе с недельной щетиной и качественный выхлоп от затянувшегося празднования – Сергей в последнее время стал его откровенно раздражать. Особенно выводило из себя постоянное нытье и жалобы на всех и вся. Не хватало еще, чтобы он начал его жалеть!

Вот и сейчас он еле сдержал себя, чтобы не взорваться:

– Так я не государству служил, Серега, а нашему народу! Народу, понимаешь, пусть и звучит это с пафосом!

– Ай! – его собеседник зевнул. – Ты кому рассказываешь? Народу он служил?! Твоему народу чего сейчас нужно? Пожрать послаще, – он похлопал себя по животу, – и...

Характерного шелчка по шее Константин не увидел. Поспешно отвернулся к окну и уставился невидящим взором в мутное стекло.

Против правды, как говорится, не попрешь: выжали как лимон и выбросили. Раньше, когда еще не угасла лютая ненависть к правительству – шайке демагогов, к генералам в сытых и теплых штабах, к бизнесменам, читай – бандитам, которые, как клопы, высасывали все соки из и так обескровленной страны – короче, ко всем, ко всему миру, который отвернулся от него... Так вот, раньше ему было проще, потому что он знал, твердо знал, кто виноват в том, что с ним случилось.

А как иначе? Кто развязал эту ненужную войну? Кто послал его в Чечню? Кто отмывал бешеные деньги на крови русских солдат? Кто их бросил там подыхать? И кто, в итоге, вышвырнул его из армии без копейки и на костылях?

Сначала было больно, страшно больно. Причем боль терзала не столько изувеченное и обожженное тело, сколько душу. И эту боль ничем нельзя было успокоить. Короткое забытие наступало лишь только тогда, когда он отключался после очередной бутылки водки. Запой становились все чаще и сильнее, доза все увеличивалась, а моменты блаженного беспамятства наступали все реже и реже.

А потом... Потом пришлось продать большую трехкомнатную квартиру, оставшуюся от родителей жены, чтобы рассчитаться с долгами, и перебраться в маленькую двушку матери на окраине. Ушла и жена с сыном, отвернулись, забыли все те, кто раньше приходил в их большой и радостный дом. Он остался наедине с собой и своей болью.

– Иваныч!... – Сергей потихоньку позвал его. – Костя! Ну ни фиги себе... Ты обиделся?

– Я тебе девка, что ли, чтобы обижаться! – Константин хмуро повернулся. – Да ладно, проехали!

– Я зачем заходил-то, – Сергей почесал колючий подбородок. – Ленка тут к Новому году мне продуктов подбросила, коробку окорочков, тушенки, там еще консервов разных...

– То-то я вижу, ты уже третий день не просыхаешь!

– Ну, а тебе-то что? Ты ж в завязке уже... – Сергей начал загибать пальцы. – Пятый месяц?

– Пятый-пятый! – Константин пристально глянул на него. – Слушай! Я не понял? Она зачем тебя прислала? Подачи свои опять сует с барского плеча?! Так и передай ей: пусть она сама их жрет, пусть своим баблом подавится и хахаля своего им досыта накормит! Так и передай ей!

– Нет, ну ты точно самурай! Хорошо что еще ножика ихнего у тебя нет, а то порешил бы давно Ленку и себя! – он хотел было расхохотаться, но осекся под взглядом Ермакова. – Ну какого лешего опять взбеленился? Она же от души! Ну, разошлись! Ну, с кем не бывает! Она же тебе помочь хочет!

– Разошлись?! Ты говоришь, разошлись?! Я ее сам выгнал, как только узнал, что она с этим чуркой, с киосчиком связалась... – Константин тяжело дышал.

Сергей торопливо усадил его на кровать:

– Давай воды налью! Никак сердце прихватило? Таблетки-то хоть есть? – он открыл холодильник. – Ленка раньше здесь валокордин держала.

Константин мотнул головой:

– Я теперь всегда с собой ношу.

Он развернул носовой платок, достал одну таблетку валидола и привычным движением сунул под язык.

– Так и передай ей: помощь ее мне нужна была, когда я под себя ходил, когда меня из госпиталя выпнули домой, на постельный режим, – он горько скривился, – отправили... Она как дешевка за колбасу продана, за кусок пожирнее и послаще с ним в койку запрыгнула. Бизнес она развела! Магазины понастроила! И Пашку совратила! Машину ему, квартиру! Сопляку еще восемнадцати лет нету, а он? Тыфу, смотреть противно, бизнесмены засранные! Так и передай своей сестре! От души! – Последние слова он почти выплюнул.

– Ты зря заводишься, Костя! Она что, должна была пацана одна поднимать? Он ведь когда тебя там, ну, того... Думали ведь, что помрешь! Пашка-то только школу окончил!

– А чего парня поднимать?! Окончил школу и пошел бы в армию, как я! Там из него бы мужика сделали! Сам бы поднялся! А она его отмажет от армии, деньги заплатит и отмажет! – он вскочил со стула, но опять опустился, скривившись от боли в простреленном колене. – Я ни ее, ни этого поганца видеть не хочу! И слышать о них не хочу! Все! Ясно? Она зачем тебе квартиру рядом со мной сняла? Дождаться не может, пока я в ящик сыграю? И с деньгами от нее больше не приходи! Сдохну, а копейки не возьму!

– Ты совсем уже со своей войной башкой поехал! Самурай и есть! – Сергей шумно выдохнул. – Ну кто ждет, чтоб ты сдох поскорее? Она, наоборот, о тебе заботится! Лекарства на что покупать будешь? Опять ведь книг накупил, «лимона» на полтора, не меньше?!

Самурай... Костю корбило каждый раз, когда кто-то вспоминал о его «японском», как он сам его про себя называл, прошлом. Это было самым счастливым периодом в его жизни, за исключением, пожалуй, рождения сына. Поэтому он терпеть не мог, когда кто-то с грязными сапогами лез в его душу.

Сколько он себя помнил, их семья всегда состояла только из двух «я»: он и мать. Об отце он никогда не расспрашивал, а мать не рассказывала. Из коротких обмолвок он понял, что тот был военным и служил на флоте. К этой теме он старался не обращаться, понимая, что это ей, видимо, неприятно и тяжело вспоминать.

Фотографий отца в семейном альбоме не имелось, вообще такого понятия, как альбом, не было. В старой коробке из-под елочных игрушек лежали потертые снимки маминой молодости и его, Костиного, детства.

Вот – студентка филфака со смешными косичками и в цветастом платье. Вот – аспирантка в строгих очках в роговой оправе, только что защитившая кандидатскую по японской

поэзии Средневековья. Вот – она, усталая и осунувшаяся от бессонных ночей, и маленький карапуз Костик. Вот – Костик на елке в детском саду, вот еще на линейке в первом классе с огромным букетом.

А вот Костя с мамой на празднике сакуры в Нагано. Это был его любимый снимок: они вдвоем в дурманящем облаке розовых лепестков. А еще мама на этой фотографии смеялась и была счастлива.

Как специалиста по японской филологии мать по партийной путевке направили в школу при русском торговом представительстве одновременно совершенствоваться в языке и обучать русскому и литературе детей дипломатических работников.

Костя, закончивший в то время четвертый класс, с нескрываемым энтузиазмом встретил сообщение о поездке. Его не пугало то обстоятельство, что ему придется оставить в Иркутске друзей-приятелей, благо их у него особенно близких и не было.

Долгие пять лет, проведенных в Нагано, ему показались одним мигом. Жадно, как губка, он впитывал язык и культуру страны, навсегда ставшей ему второй родиной.

Возвращение было таким же внезапным, как и отъезд. Десятый класс пришлось заканчивать уже дома. Этот год для него ознаменовался прилипшей на всю жизнь кличкой и нескончаемой вереницей драк, в которые он сам вмешивался или вмешивали его, причем с завидным постоянством.

В моду только-только входило увлечение восточными единоборствами, поэтому независимый и не примкнувший ни к одной из школьно-дворовых группировок «Костя-каратист» был подобно красной тряпке для местной шпаны.

Только после того, как он разбил достаточное количество носов и одержал достаточное количество побед нокаутом с первого удара, от него отстали, и «Каратист» сменился на уважительное – «Самурай».

– Иваныч, – Сергей помялся за его спиной, не желая отвлекать от раздумий. – Может, ты все-таки возьмешь хоть деньги? Что я сестре-то скажу?

– Ты опять? – Константин почувствовал, как вновь закипает в яростной злобе.

– Ну как хочешь!

Сергей хмыкнул и прошелся по небольшой комнате. Нищета царила во всей красе, но чистенькая нищета. Но то одна комната, а дверь во вторую Костя заколотил сразу после смерти матери, которая не дождалась его с войны. Намертво заколотил, сохранив навсегда в ней тот дух, который единственный поддерживал его жизнь.

И остались только зеленые старые шторы, стол, диван, три стула, кресло с торшером и огромный, вдоль всей стены, стеллаж с книгами: вся школьная программа, включая так и не освоенную «Войну и мир».

Русская классика и любимые мамой поэты Серебряного века. Большая советская энциклопедия, серия «Жизнь замечательных людей», подписные издания Дюма, Марка Твена, Жюль Верна – словом, стандартный набор книг в любом советском доме, за исключением, пожалуй, японской поэзии и прозы в оригинале и переводах и маминых книг по языкознанию.

Книги и стали теперь для него и друзьями, и собеседниками, последней, спасительной соломинкой, за которую он сумел уцепиться. Как-то внезапно состояние озлобленности и бессилой ярости сменилось осознанием пустоты, беспечности, бесполезности. Если раньше он метался, как раненый зверь в клетке, разрывая себе душу единственным вопросом: «Почему я?», что-то пытался исправить, вернуть, изменить, то теперь он просто пил и пил, хотел напиться до потери ощущения времени и пространства.

Протрезвление, в прямом и переносном смысле, наступило внезапно. В похмельном угаре он вдруг осознал, что пропустил и день рождения матери, и день ее смерти, по случайности совпавший с единственным праздником, который он праздновал, – Днем десантника.

В грязном зеркале ванной на него смотрел совсем чужой человек: внешне намного старше по возрасту, где уж его тридцать шесть, под полтинник годами, не меньше. Старик, почитай! Обильная седина припорошила коротко стриженный ежик волос и изрядно осеребрила бывшие когда-то смоляными густые усы.

Ужасный шрам, стянувший щеку от виска до уголка рта, приоткрывал слева зубы, и на лице навсегда застыл уродливый оскал. Дергающаяся временами правая половина лица, трясущаяся голова, выглядывающие из-под выцветшей тельняшки покрытые грубыми рубцами следы ожогов, спускающиеся от шеи на всю грудь и правую руку, наполовину ссохшуюся. Вот урод так урод, краше только в гроб кладут!

Да уж! Лучше бы он тогда сгорел бы в БМД вместе со своими пацанами! Глядишь, всем сейчас было бы лучше: и Ленке, как же – вдова героя, и сыну – он бы не отводил стыдливо глаза, встретившись с отцом на улице, да и ему...

Да и сейчас что его держит? Кому, кроме себя самого он нужен? Нахлынувшее в тот миг малодушие чуть не толкнуло его на тот поступок, что христиане считают вечным решением временной проблемы, а буддисты – временным решением вечной проблемы.

Искорка мысли, промелькнувшая в одурманенном мозгу, тотчас разгорелась. Но не в предположение, а в четкое убеждение того, что раз он выжил, то ему был дарован еще один шанс. Какое там самоубийство – жить, он должен жить! Жить не только за себя, жить за тех, кто не вернулся с войны. Прожить не только свою жизнь, прожить и их жизнь за них.

Долгие полгода он мучительно приходил в себя. Бросил пить, стал через силу, преодолевая боль в простреленный навылет ноге, делать зарядку, возвращая прежнюю силу, координацию и уверенность движений. Выбросил все, хоть чем-то напоминавшее о прежней жизни, включая радио и телевизор, и стал... читать.

Сначала перечитал все приключения и проштудировал все энциклопедии, включая толстенные словари. Затем добрался до классики. Те книжки, которые не осилил в школе, которые тогда шли со скрипом и неохотой: Толстой, Бунин, Достоевский, Куприн, Шолохов, теперь все не прочитывал – проглатывал.

Когда закончились книги дома, стал наведываться чуть ли не каждую неделю в «Букинист». В районе, где он жил, с книжными магазинами и библиотеками было туго, вернее, их совсем не было: местная молодежь интересовалась не книгами, а дешевым пивом.

Магазин комиссионной литературы был его единственной отдушиной. Более того, книги там были на порядок дешевле. Пусть и не в таких красивых, новых, блестящих переплетах, но это были именно книги, а не та бездарная макулатура в ярких обложках, которой были завалены прилавки других книжных магазинов.

Правда, поездка давалась не легко: от дома до остановки шел с тросточкой чуть ли не полчаса, потом – в центр города автобусом, да еще с пересадкой на трамвай, затем через площадь Торгового комплекса на улицу Литвинова в заветный магазин. Дорога каждый раз отнимала много сил, но вознаграждение было поистине бесценным.

– Вижу, почти целая полка добавилась! – Сергей взял толстую книгу и с чувством прочитал: – «Сибирь, союзники и Колчак. Поворотный момент русской истории 1918–1920 гг. Впечатления и мысли члена Омского Правительства». Гинс. Ну и фамилия. Ого, а тут у тебя сплошная гражданская война пошла. И не лень на нее деньги тратить?!

– Не такие уж и большие деньги, с пенсии десяток книг покупаю да еще меняю. Старые книги дают почитать, сошелся тут с одним старичком – у него масса изданий двадцатых годов. А насчет Гражданской скажу одно – у меня будто пелена с глаз упала. Так и хочется крикнуть: а король-то голый! Как нам вдали и в книгах и в кино, «Чапаева» только вспомнить. Помнишь, там еще психическую атаку показывали...

– Ой, права была Ленка! Горе без ума!

– От ума! – поморщившись, поправил он шурина. – Ты сам-то что читал в последний раз? В туалете и то, наверное, не газетой, а пальцем подтираешься?!

– Га-а-а! – довольно заржал Сергей. – А вот и нет! У Пашки брал, этот, как его, книжка про бывшего десантника. Приехал он с войны, ну, совсем как ты, а там полный беспредел! Ну, он еще потом братков завалил, когда они его друга на бабки вломили и бабу его на общак пустили! Ничего так, книжка стоящая!

– Дурак ты, Серега! Вот с этой книжкой и ходил бы в туалет, всем бы пользы больше было! – Константин уже давно оставил попытки заинтересовать непутевого родственника хоть как-нибудь тем, что вот уже несколько месяцев не выходило у него из головы – историей Гражданской войны, а главное, поиском вариантов другой ее развязки, спасительной для белого движения.

Это стало его своеобразной «идеей фикс». Он перечитывал потрепанные книги снова и снова, выискивал варианты иного развития событий, возможности изменить ход истории. Ставил себя на место Каппеля, Колчака, Семенова, ругал их от души за необдуманные, невзвешенные, а порой и просто дурацкие приказы. Но потом сам же оправдывал их действия то сложившейся ситуацией, то нехваткой сил и средств.

Из родной Сибири разум переносил его в другую часть России. Ермаков сутками напролет чертил схемы Перекопских укреплений, столь необходимых для спасения Крыма, но так и не возведенных в реальной истории.

Ругая бестолковость генералов сквозь стиснутые зубы, отставной офицер планировал этапы эвакуации Белой армии и богатейших складов продовольствия и снаряжения, поставленных союзниками в Архангельск, на Кольский полуостров, поближе к Мурманску и Канда-лакше.

Как ребенок лепит кулича в песочнице, Константин с завидной терпеливостью играл в войну – переформировывал в мозгу белые полки и дивизии, перебрасывал с фронта на фронт части и технику...

Сколько раз он соскакивал среди ночи и, упершись лбом в холодное стекло, пытался разглядеть в туманном мареве парящей Ангары дымки чешских бронепоездов на вокзале! Проходящие в темноте редкие прохожие виделись ему пришельцами из смутного времени гражданской войны. То солдатиком в шинели с красным бантом на лацкане и «мосинкой» на плече; то гимназисткой, ежащейся от порывов студеного ветра и кутавшейся в коротенькую шубейку; то казачьим офицером в косматой папахе, мелькнувшим в свете тусклого фонаря желтым лампасом. И иной раз Ермаков чувствовал, что потихоньку сходит с ума!

Он прокручивал в уме знакомые до мельчайших деталей, ставших уже ненавистными, события тех лет: восемнадцатый, девятнадцатый, двадцатый, двадцать первый – ну почему, почему все сложилось по самому наихудшему сценарию?

Где талантливые полководцы, где бескорыстные патриоты, где ум, мозг, сердце империи? Неужели кровавая мясорубка братоубийственной войны так быстро смогла все перемолоть без следа? Как же это произошло, как Господь мог допустить это?

Бурлящие в последнее десятилетие в обществе процессы, подобно болотным газам, выбросили наружу невероятное количество грязи и гнили, тщательно скрываемой долгие годы под лоском официальной версии советской пропаганды.

Константин заново для себя открывал бывшие в свое время непреложными истины и авторитеты. Тот пласт истории страны, который тщательно вымарали, выгнали клеймом белогвардейщины и контрреволюции, вырвали из памяти и сознания поколений, постепенно возвращался из небытия, в совершенно ином свете представляли люди и события.

С каждой новой порцией безжалостной правды, почерпнутой из ставших теперь доступными старых книг, мемуаров белых генералов, воспоминаний очевидцев тех лет, опублико-

ванных архивных материалов в его душе закипала беспощадная злоба и ненависть к нелюдям, сотворившим такое с целой страной и с ним лично...

– Не грузи меня, Иваныч! Ты же знаешь, все эти мемуары не для меня. Гонят они там по-черному, скукотища! – шурин вырвал его из омута размышлений. – Пошел я. Я же к тебе на чуток забежал, про лечение сказать!

Сергей извинительно провел руками, видя, как дернулась от обиды Костина щека – человеку выговориться надо, впечатлениями о прочитанном поделиться, а тут такой облом.

– Слушай! Совсем забыл. Цыденжап нашел место, в нескольких километрах от той заброшенной станции. Помнишь, – он похлопал его по здоровому плечу, – о которой я тебе говорил? На Кругобайкальской дороге. Там скальник в распадке углом выглядывает – желтоватый, а под ним камни и ручеек. Но пилить от железки полчаса нужно. Завтра с утра мы до Порты Байкала на мотовозе поедем, к вечеру на месте будем. Снега еще не намело, так что доковыляешь! Зато там любую боль заговорить можно. Поедешь?

– Спрашиваешь?! Ты бы знал, как башка болит, будто гвозди раскаленные в нее забили...

– Там подлечишься. Цыденжап говорит – сильное место. Он тебе отвар сделает на месте, выпьешь.

– Да я мочу ослиную выпью, лишь бы эта боль не донимала. Врачи, сам понимаешь, помочь не в состоянии, а платить мне нечем, с хлеба на воду и книги и так кое-как перебиваюсь, с Божьей помощью.

– Даст Бог, подлечишься. Только вот Цыденжап что-то темнит, толком не говорит, загадками объясняется. Вроде от такого лечения можно и крышей тронуться. Что-то по поводу полной луны болтал, якобы может она навсегда душу человеческую взять...

– Не пугай, я уже пуганая ворона. Если поможет, то я хоть жить нормально смогу. А если нет, то меня гибелью не напугаешь. Особенно сейчас, когда каждый мой день – сплошное страдание. И знай – я старый солдат и видел так много смертей, что и своя меня не устрасит...

КБЖД (Кругобайкальская железная дорога)

(23 декабря 1997 года)

На заброшенном разъезде Кругобайкальской железной дороги, неподалеку от станции Маритуй, их ждал пожилой бурят с морщинистым лицом, худой как штырь, на плечах которого, как на вешалке, болтался ремонтный бушлат с эмблемой ВСЖД. Но руки оказались крепкими – они с Серегой за сорок с небольшим минут доволокли его до искомого места.

Заброшенная станция на Кругобайкальской дороге представляла собой четырехугольник закопченных стен без крыши, окон и дверей, порядком загаженный туристской братией, которая активно шарилась в здешних местах уже тридцать лет. Да оно и понятно – как построили Иркутскую ГЭС и провели обходную дорогу на Слюдянку напрямую через сопки, так жизнь в этих местах разом и заглохла. Селения почти вымерли, станции забросили – и остались живописные скалы, туннели и байкальское взморье на откуп любителям туманов и запаха тайги. И лишь дважды в неделю простучит колесами поезд из двух вагонов, в которых и народу-то почти никогда нет...

Как они решили заранее, Сергей поехал дальше до Порты Байкала по своим делам, а Ермаков с Цыденжапом остались.

– Однако решил, да? – Цыденжап хмуро глянул на Ермакова.

– Чего решил? – не понял его Константин.

– Э-э-э! – бурят хитро прищурился, отчего его глаза превратились в узенькие щелочки. – Ты, однако, зачем пришел? Лечиться, да?

– Да! – Ермаков неуверенно мотнул головой. – Или ты сам уже не уверен в том, что сможешь?

– Обижа-а-а-ешь! – протянул тот. – Мой прадед три бубна имел, великий харайн-боо, однако, был, мой дед их от него получил, отец эти бубны мне передал! Цыденжап из рода вели-

ких шаманов! Я это место специально берег для хорошего человека. Чтобы оно силу набрало, долго ждать надо было. Водку принес?

Константин кивнул, протянул поллитровку буряту. Тот что-то пробурчал под нос, типа «На себя – и пожалел!», поцокал языком и зашагал к скальнику.

Мать честная! Красота-то какая! Ермаков был на Кругобайкалке второй раз в жизни. Давно, еще в школе, физрук водил их 10-«А» сюда, «на природу». Ехали на электричке до Ангасолки, потом топали еще двадцать километров до урочища. Однако вознаграждение за тяжелый переход было фантастическим: два дня они лазали по скалам, обшарили пару туннелей, навсегда остались очарованы магической красотой этих мест.

Вот и сейчас Константин вдыхал полной грудью воздух, насыщенный непередаваемым ароматом леса, железной дороги, влажного дыхания Байкала и еще чего-то неуловимого.

Где-то здесь ровно семьдесят восемь лет назад не на жизнь, а на смерть сцепились в яростной схватке участники затянувшейся уже на несколько лет кровавой драмы под названием Гражданская война.

Ермаков страстно желал ворваться туда, именно в последний уходящий месяц года девятнадцатого. Суметь помочь, исправить, изменить, отдать всего себя ради того, чтобы отвести надвигающееся со скоростью урагана красное безумие...

– Шибко торопимся! – бурят уже переоделся в «униформу» и перетаскивал к подножию скалы какие-то одному ему ведомые предметы.

Если бубен Ермаков углядел и оценил сразу, то остальные чашки, плоски, тряпье, пара китайских обшарпанных термосов, еще куча всякого барахла откровенно не впечатляли и при-давали Цыренжапу вид старьевщика, вызвавший у Константина неприятное чувство дешевого балагана.

Обряжение Цыренжапа не добавляло оптимизма. Потертый синий халат, высокая шапка с разноцветными лентами и бахромой понизу, на поясе, вернее, заменявшей его черной веревке, висели металлические фигурки, Ермаков только разглядел человечка, птицу и лошадь, на груди – круглая металлическая тарелка желтого цвета. Довершали картину почему-то кирзовые сапоги.

– Слушай, Цырен, ты действительно собираешься бить в этот бубен?

– Хэсэ! Это не бубен, это хэсэ! – он разводил костер. – Ты давай, не мешай мне!

Ермаков ждал от бурята эдакого священнодействия, приготовился прикоснуться к великой тайне камлания, но действия Цыренжапа не тянули даже на слабенькую троечку с минусом.

Сначала тот долго ходил по поляне и коптил корой то ли пихты, то ли сосны, по запаху Константин не мог определить точно. Затем у костра на доске бурят расположил тарелку с мясом, рядом с ней на дощечку выложил из термоса какую-то густую бурду, цветом и консистенцией напоминавшую манную кашу с комочками. В другую тарелку бурят налил молока из второго термоса и поставил на камень бутылку водки.

– Это кому? – Ермаков уже устал стоять и попытался присесть на корточки, однако большая нога предательски не желала сгибаться. Сидеть на холодных камнях не было ни малейшего желания, поэтому он потоптался что твой конь в стойле и остался на месте.

– Ама Сагаан-Ноен любит щедрые дары!

Дальше стало совсем уж невмоготу: Цыренжап прыгал у костра и бил в бубен. Периодические завывания вперемишку с гортанными выкриками, конечно, вносили разнообразие в монотонное поначалу бурчание, но Константин уже твердо для себя решил, что с него хватит.

Он повернулся, чтобы пойти к туннелю, видневшемуся за поворотом, как Цыренжап подскочил к нему и резко потянул за рукав:

– Душа твоя покинула тело! Я верну ее!

– Очень ценное замечание! Сам-то понял, что сказал? – Константин рассмеялся.

– Не смейся! Ама Ноен шибко обидится! Отомстить может, злую шутку сыграть! – бурят потряс поднятой с бубном рукой. – Шибко жалеть потом будешь! Пришлет он злого духа, и эжен навсегда заберет себе твою душу!

– Да кто этот твой ама, или как там его?

– Замолчи! Это очень могучий бог, третий сын великого тэнгэри! Тэнгэри Хухэ отправил сюда его, чтобы он охранял эти места. Он хозяин этой земли! – глаза бурята горели огнем на коричневом морщинистом лице. – Ты совсем не в себе! Душа твоя покинула тебя! Ты хотел себя убить, да? Не смог, да? Ты напугал этим свою душу! Она теперь не может вернуться и терзает тебя! Тебя надо защитить. Любая блуждающая душа теперь может прийти к тебе, а твою может забрать кто-то другой, такой же золгуй, несчастный, как и ты!

– Откуда ты знаешь? – Ермаков замер.

– Духи все видят! Вы пришли на эти земли, привели своего бога, но духи все равно здесь! Они могут тебе помочь!

– Как?

– Садись! – шаман усадил его перед костром.

Он буквально заставил Ермакова отхлебнуть из фляжки мутно-белой жидкости с молочно-кислым привкусом, крепостью приближающейся к водке. Константина чуть не вырвало, но он сдержался.

– Тарасун! – бурят влил в себя залпом добрый глоток. – Хорошо, однако!

Расплывшись в улыбке, он уселся рядом и пристально взглянул на Ермакова.

– Гал Тайха делать буду. Душу твою призывать. Буду звать богов огня и неба. Они найдут твою душу, крепко-крепко ее схватят, а я скажу тебе, как ее поймать и получить обратно!

– А моя душа где?

Бурят скрипуче рассмеялся, обнажая желтые зубы:

– Сам не знаешь, да? Она там, где твои мысли! Она и далеко, и близко! Ты и там, и тут.

– Как это?

– Тэнэг!

– Чего?

– Голова у тебя седая, а ума в ней мало! Глупец ты, говорю! – он покачал головой. – Людей убивать ума много не надо, а жить-то сложно! Я сейчас брызгать буду. Ты сиди и думай, хорошо думай. Думай о себе. Молись своему богу, если хочешь, чтобы он помог тебе. Только не зови никого и не называй себя, а то шибко худо будет!

Он заставил Ермакова выпить еще тарасуна. Вылил в огонь какую-то темную жидкость из выуженной из недр халата баклаги, отчего повалил густой едкий дым. Ермаков закашлялся, его и так мучило от пойла, щедро влитого в него бурятom.

Внезапно у него завертелось, закружилось перед глазами. Сквозь дым он увидел вместо лица Цыренжапа ухмыляющуюся жуткую морду.

– Назови себя! – морда завывала, кричала, корчила неимоверные гримасы. – Назови!

Костя проваливался в беспамятство. Жуткие вопли, свист, шум, вой, сливавшиеся в безумную какофонию звуков, отдавались в черепной коробке. Он пытался вдохнуть, но воздух как будто исчез, и легкие захватывали пустоту. В голове взорвалось яркое солнце, в грудь кинжалом ударила обжигающая боль.

– Назови-и-и имя-я-я-я!!!

Внезапно наступила звенящая тишина, которую разорвал гудок и свист паровоза...

ГЛАВА ПЕРВАЯ

И вновь продолжается бой...

(24 декабря 1919 года)

Слюдянка

Костя с детства до ужаса боялся паровозов. Именно паровозов, а не каких-то там локомотивов, тепловозов, электровозов и прочих там дрезин. А старший мамин брат, которого в депо все работяги уважительно звали дядя Коля, только смеялся над его детскими страхами и иной раз просил своих друзей-машинистов пускать пар, когда он с мальцом проходил мимо. Те и пускали, да еще гудок тянули, добавляя пацану жути. Вот и сейчас гудок и свист пара раздались внезапно, по детскую душу. А-а-а! Мама-а! Мамочка...

Константин Ермаков с трудом вырвался из объятий сна, удрал от давнего детского кошмара. Сел и крепко потер ладонью глаза. И тут же все вспомнил – утром они с Серегой подрядились на ремонтный мотовоз и после полудня уже были у заветной для него цели.

Топчан под ним ходуном ходит, или он сам так качается? Голова очень кружилась. И поэтому Ермаков с трудом осознал, что сидит не на кровати, а, скорее, на откидной жесткой полке, а качается – потому что снова оказался в поезде, ведь перестук колес ни с чем не спутаешь.

Опять гудок паровоза и свист выпускаемого пара заставили сжаться его сердце. Одной минуты не прошло, как вагон с железным лязгом остановился.

Где-то рядом взвыл гудок, и Ермаков припомнил, что днем видел в Култуке самый настоящий паровоз, и здраво решил, что это именно он сейчас ночью куролесит.

– А, наверное, здорово было бы сейчас выглянуть в окно и увидеть старую Слюдянку, этак вековой давности, – Константин на мгновение зажмурился, представив, как сквозь клубы паровозного пара проступают очертания вокзала, извозчик на лошадке, путевой обходчик в шубе с высоко поднятым воротником. – Да, но это красиво лишь на картинке. Век-то назад там еще, может быть, и неплохо было, но потом...

Он зажмурился, и перед глазами понеслись, как кадры из фильма, события и людские судьбы. Белые, красные, снова белые и снова красные. Тысячи и тысячи погибших...

...Тогда, отступая вдоль нитки Транссиба, белые отчаянно дрались за осколки рушащейся, как колосс на глиняных ногах, Российской империи, тщетно пытаясь удержать утекающую как песок сквозь пальцы власть.

Красные паровым катком шли на Восток, сметая, как огонь сухую траву, очаги жалкого сопротивления...

Вагон снова дернуло, и он открыл глаза:

– И куда же мы поехали, на ночь глядя? И где Серега? Опять, наверное, нажрался, падла! И Цырен куда-то запропастился! Чует, видать, что я ему шею сверну за такое лечение!

Ермаков огляделся в поисках своей трости. Поезд потряхивало, он со скрипом набирал ход.

– Совсем мне не улыбается без палки, на одной, почитай, ноге скакать до туалета... Сраму не оберешься, если загремлю костями! – он машинально посмотрел на ноги и невольно вскрикнул: – Боже милостивый!

Нога! Она была согнута в колене...

Согнута! Хотя этого не могло быть по определению, там ведь железная пластина вставлена. И пальчики теплые, шевелятся по малейшему желанию. Откуда?!

– Так! Спокойно! – он закрыл глаза, через мгновение открыл, посмотрел на ногу. – Что получается, лечили, значит, душу, а вылечили ногу? Ну Цырен, ну... шаманский сын!

Ермаков, чтобы удостовериться, не сон ли это, крепко ущипнул себя за ту самую ногу – и тут же от боли заскрежетал зубами. Какая к черту галлюцинация, какой сон?! От такой нешуточной боли впору было во все горло вопить, котов-полуночников с крыш диким криком согнать.

От такой новости мучительно захотелось курить, и он стал охлопывать карманы в поисках сигаретной пачки. Однако в брюках оказалось пусто, а в нательной рубашке (и кто же ее на него одел, всегда же в тельняшке ходил) карманов не имелось по определению.

Но тут свет луны упал на столик, и он разглядел искомое – раскрытую пачку папирос, коробок спичек и какую-то плоскую консервную банку без крышки, набитую окурками.

Ермаков всей пятерней почесал затылок – когда же он успел столько накурить, и почему проводник на такое вопиющее нарушение не среагировал?

И тут же нашел ответ – так он же не на пассажирском едет, а на ремонтном. Здесь все курят. Вагон старый, еще довоенный – в детстве он на таких бывал с дядей, в депо для ремонтников стояли. И, как он помнил, такой старенький вагончик был прицеплен в хвосте.

С Сергеем они садились в первый по ходу движения, повидавший виды зеленый плацкарт, обычно и используемый в ремонтных поездах для перевозки бригад. А это означает только одно – по непонятным причинам его перенесли из одного вагона в другой.

Не успел Ермаков обдумать эту мысль, как поезд сбавил ход, остановился, свистнул, пыхнул и лениво затрухал в обратном направлении, вильнув всем железным телом на стрелке.

– Что за гребаные маневры? Куда он корячится? – он ругнулся про себя. – Угомонись ты, наконец!

Поезд словно послушался, чихнул паром, дернулся в последний раз и замер.

– Ну вот, молодец! – он удовлетворенно кивнул и в душе рассмеялся от мысли о том, что поезд мог послушаться его команды.

Он почесал переносицу, еще не до конца веря в случившееся, осторожно разогнул, согнул и снова разогнул вновь обретенное сокровище. «Да уж, – как говаривал Ипполит Матвеевич Воробьянинов, – да уж».

– Нога целая, и это факт, – он закурил.

Привычный табачок, пусть и немного крепковатый, утешил душу от потрясения чудесно исцеленной ноги:

– Может, и голова поправилась? Вот хохма-то выйдет! Надо будет поблагодарить бурята. Молодец, ничего не скажешь! Зря только обидел его своим недоверием. Да ладно! Он же понимает, что я не со зла. Серега вон вообще считает, что я уже давно тронулся! Так что с дурака взятки гладки! Тем более с такого, как я! По моим шрамам и заплаткам военную историю России последних лет пятнадцати можно спокойно изучать...

...Начал он свой боевой путь в восьмидесятом с Афгана командиром отделения крылатой пехоты. На сверхсрочную не остался, по направлению попал в Рязанское училище ВДВ.

Отбухав пять лет берцами по плацу, снова вернулся в Афган свежеиспеченным лейтенантом, командиром взвода.

Пока его БМД грохотал гусеницами по мосту через Пяндж, стонавшему под тяжестью нескончаемых колонн выводимой в Союз техники, гвардии капитан Ермаков, к тому времени уже счастливый обладатель трех орденов, думал о том, что война для него, наконец, закончилась.

Но не тут-то было! Дальше нескончаемой вереницей потянулись Карабах, Абхазия, Осетия, Приднестровье и, наконец, Чечня.

Вся страна крутилась в бизнесах, покупала и продавала, делала деньги, прогорала на акциях «Хопра» и МММ, выбирала президента, митинговала перед Белым домом и стучала касками по Кузнецком Мосту, а он все воевал, воевал и воевал.

Свою последнюю войну он запомнил особенно хорошо. Почти три года тому назад он, командир десантно-штурмового батальона, к тому времени уже гвардии майор, при втором штурме Грозного подорвался с БМД на фугасе, а затем получил в борт две гранаты РПГ.

Троих парней сразу всмятку, потом с брони в цинки лопатками соскребали, еще трое почти полностью сгорели, а ему осколков досталось по самое не могу, потом, как вылез, ногу искалечило пулей и обожгло пламенем на совесть, да полгода еще плохо слышал.

И выбросили майора на пенсию, накиннув на прощание инвалидность и звание подполковника в качестве десерта.

– Вот жизнь, а! Сколько раз в машине горел! – папироса еще тлела и чуть не обожгла пальцы. – Но врешь! Своих я просто так на пушечное мясо не давал, нет на моей совести бесполезных смертей солдатских! Почитай, экипажем командовал, отделением командовал, ротой командовал, батальоном командовал, до бригады добрался бы... А вот, – он обвел глазами купе, – поездом командовать не приходилось еще! Ну, для вояки типа меня простой поезд не подойдет! Уж если шашкой махать, то с бронепоезда!

Образ бронепоезда вернул его к заветным мыслям. Ведь именно на этих рельсах Кругобайкалки когда-то гулко стучали колесные диски бронепоездов, на всех парах шедших из далекого Забайкалья на спасение адмирала Колчака и остатков российской государственности. Их пушки могли повернуть историю вспять, но поражение под Иркутском поставило крест на той отчаянной попытке...

Сквозь заледенелое вагонное оконце падал лунный свет, еле освещая его ночное пристанище. Ермаков огляделся. Напротив его полки находился короткий топчан, рядом с ним встроенный шкаф, дверь в купе была не сдвижная, а открывающаяся на петлях. Отбросив воспоминания в сторону, он в очередной раз привычно смял зубами картонный мундштук папиросы, чиркнул толстой спичкой, зажмурил глаза от вспышки, и с наслаждением закурил.

Загасив очередную папиросу, Ермаков ощутил холод – не май месяц, да и вагон, судя по всему, подостыл. Видимо, титан на ночь решили не топить, вот и холодно.

Он разглядел на полу купе шинель, по всей видимости, именно ею он ночью и укрывался, лежа на грязноватом тонком тюфячке, иначе все ребра отдал бы на деревянной полке. Костя поднял с пола шинель и привычно накиннул ее на плечи, рукой пройдясь по погонам.

– Звездочек нема. Странно... В армии подобного чина нет. Рядовому такого материала не полагается, – он провел рукой по шинели, – уж больно хороший. Ха! Я же казачка видел на сортировке. Далеко, правда, стоял, папаху серую только и разглядел. Видать, его это шинель, а он, стало быть, есаул, раз погон пустой. Меня Серега, видимо, вместе с ним в купе и определил. А сам наверняка с железнодорожниками водочку попивает.

Странная это была какая-то шинель. Длиннополая. И пуговицы странные, край обрезанный, и не такие гладкие, как привыкли пальцы.

– Велико звание у хозяина. Кем же он в их казачьем воинстве приходится? Ну, ничего, вернется, познакомимся! – решил сам про себя Ермаков. – Надо спасибо сказать, что так заботливо укрыл его меня! Но где же он ночью-то ходит?

Вопрос был обращен в пустоту, да и ответа на него он не ждал, а потянулся за очередной папиросой, чтоб с перекурком помыслить о том целительном скальнике.

Вроде все и ладно складывалось, но не давало покоя, где-то в подкорке крутилось жуткое видение давешнего дня:

– Нет, ну и рожа! Если бы пил, то точно решил бы, что «белочка» в гости наведлась! – Ермаков пускал кольца дыма и разглядывал через них потолок. – Интересно, чего это там Цырен в огонь ливанул, что мне такие глюки привиделись? Не морда, а суший демон, как бишь он там его назвал?

Он попытался напрячься, чтобы вспомнить детали прошедшего дня, но ничего не получалось. Память словно была окутана липкой сетью, которую не удавалось пробить даже методом глубокого погружения.

Использовать другие, более хитрые приемчики, кои были вложены в его мозг и подсознание во время прохождения одного очень полезного спецкурса лет десять назад, он не стал, и на это был свой резон.

– Что-то в последнее время мне моя голова дорога стала. Особенно теперь! – поразмыслил он про себя. – А то получится как кислое молоко в горячий чай: свернутся мозги и амба!

...Он практически не использовал в мирной, если можно так назвать его пенсионерские будни, жизни навыки, когда-то полученные на военной службе. Толку все равно никакого от них не было, разве что в киллеры податься!

Молодой, честолюбивый капитан Ермаков, орденоседец, получивший обкатку в бою, имеющий прекрасные знания японского языка и культуры, естественно, не мог не заинтересовать определенные армейские структуры.

Константина некоторое время спустя выдернули со ставшего уже родным места командира роты и направили на обучение в Общевоинскую академию имени Фрунзе. Дальнейшее назначение на должность командира разведывательного батальона десантно-штурмовой бригады, расквартированной в подозрительной близости от границы вероятного противника, не заставило себя ждать.

А потому для него не стал неожиданностью пришедший вскоре вызов на курсы повышения квалификации армейских топографов. Признаться, он чего-то подобного и ожидал.

Конечно же, под этой топографической бутафорией скрывалась подготовка в спеццентре ГРУ. Там за каких-то шесть месяцев он хорошо поднатаскался в диверсионном ремесле, а заодно укрепил второй базовый язык, благо вероятных противников хватало.

И пошла бы его карьера в гору, если бы не развал «великого и могучего». Те, кто был врагами, стали друзьями, армия развалилась, далеко идущие планы полетели к чертям. Туда же, а вернее – в «горячие точки», сменявшиеся одна за другой, полетел и он вместе со своими перспективами.

Горькие плоды всех этих перипетий он и пожинал последние долгие два года...

...Но теперь он уже не был инвалидом: нога-то – вот же она, целая и здоровая.

И Костя решил встать. Нога была послушна, крепка и все-все ощущала. И холод, и мусор под ступней, и радость бытия. Так во сне не раз было – он видел себя прежним, снова бегал, дрался, надевал на нее прыжковые ботинки и с парашютом из самолета вываливался.

А утром просыпался, горько смотрел на изуродованное колено и приставленную к кровати тросточку, и только зубы сжимал. Нет, он уже не лил слезы, не жалел себя – перегорело все внутри, душу всю выжгло. Но тяжесть никуда не делась, осталась...

И только сейчас Ермаков углядел над изголовьем ременную амуницию с кобурой и висющую шашку с темляком. Руки сами потянулись, ведь с Чечни оружия в руках не держал.

Драгунка офицерского образца, крепления для штыка на ножнах нет, как и самого штыка, разумеется, темляк георгиевский, а в навершии рукояти Ермаков разглядел маленький белый крестик. И свистнул сквозь зубы – так вот оно какое, наградное «золотое оружие» русской императорской армии. А на сколько «зеленых» сей раритет сейчас потянет? И устыдился мысли – каким же подлецом и циником надо быть, чтоб офицерской храбростью и честью торговать.

– Наверное, это шашка есаула, – принялся размышлять вслух Ермаков. – Его деда или прадеда награда, может быть. И в вагон этот наверняка он сам меня определил, вояка матерый. А рыбак рыбака видит издалека. Но шашка хороша, жаль только – не казачья.

Бережно повесив драгунку обратно на крючок, Ермаков снял с него ремень с неожиданно тяжелой кобурой. Отстегнул ремешок клапана и вытащил тускло блеснувший в лунном свете вороненый револьвер.

– Ипическая сила! Ну и казачок, ведь не огурец прячет для закуси, а офицерский наган-самовзвод. Ну-ка, отворись, ну-ка...

К великому удивлению Ермакова, барабан револьвера был снаряжен боевыми патронами – вытащенные из гнезд, они рассыпались по столику близнятами. Смерть, временно запечатанная в латунь гильзы...

– Да вы, батенька, никак поэтом становитесь, – усмехнулся он своим мыслям, быстро зарядил барабан и засунул револьвер в кобуру.

А потом с не меньшим сожалением повесил обратно на стену. Медленно присел на топчан, достал из коробки очередную папиросу и закурил, выдыхая табачный дым через ноздри.

– Надо же, казак никак на войну собрался, с шашкой и наганом. С кем же это он ратиться будет? Рисковый! Ментов не боится, а мне, видать, доверяет, раз на стенку свое оружие повесил.

Докурив папиросу, Ермаков стал тушить окурок в банке и зацепил край пальцем. Банка тут же встала на ребро и опрокинула все свое содержимое на стол. Ну как тут не облегчить душу крепким словом...

– ...руки как крюки, и пальцы со... – но слова тут же застряли в горле.

На безымянном пальце правой руки было золотое кольцо, похожее на обручальное. От такой подляны судьбы, которая неожиданно «заколыцевала» отпетого холостяка-инвалида, Костя тут же впал в легкий ступор, а когда поднес к лицу ладонь, то на целую минуту словно окаменел...

Это были не его руки, не е г о! Набитостей костяшек нет, след от ожога напрочь отсутствует, исчез шрам на запястье. Костя вскочил и заметался по купе, рванул дверь шкафа – так и есть, на внутренней стороне было зеркало. Ермаков запалил спичку и пристально взгляделся в свое отражение.

Волевое незнакомое лицо с черными усами, почти ровесник, ну, может, лет на пять младше, выразительные глаза. И шрама, что уродовал всю его щеку, у зеркального отображения не было.

Он оказался в чужой шкуре...

Иркутск

Маленькая комнатка во флигельке почерневшего от времени дома, что среди множества таких же похожих стоял на Луговой улице, неподалеку от сорванного ледоходом понтонного моста через своенравную красавицу Ангару, была тускло освещена единственной керосиновой лампой.

Неумелая рука слишком выдвинула фитиль, и язычки пламени коптели стекло лампы, да и запах керосина чуть явственно держался в воздухе. Но то была обыденность – электричество подавали с перебоями, а два последних дня все частные дома вообще отключили, и лишь военные и правительственные учреждения еще освещались тусклым электрическим светом.

В комнатке, обставленной почти по-спартански – кровать, шкафчик, стол и пара стульев, – было двое. Они сидели на стульях и тихо, очень тихо беседовали, время от времени переходя на шепот. И было от чего – в настоящий момент деятельностью этих господ сильно интересовалась контрразведка генерала Сычева, военного коменданта города, вот только оставались они для нее пока что неизвестными. А сейчас между ними шел весьма примечательный разговор.

– У нас уже все готово, Николай Сергеевич, а у вас? – прилично одетый господин, с легкой картавостью в голосе, требовательно посмотрел на офицера в английском френче, на погонах которого выстроились пирамидкой четыре звездочки штабс-капитана.

– Да, готово. Выступление полка в Глазково и двух батальонов местной бригады начнется в четыре часа пополудни. Солдаты распропагандированы и лояльных к режиму офицеров арестуют сразу, это четко проработано. К остальным офицерам поставим комиссаров, «политцентровских», что уже прибыли от вас. В Глазково буду лично. Затем вернусь в город на пароходе «Бурят», чехи гарантировали мой проезд беспрепятственно.

– Лучше останьтесь в полку, с солдатами, не надо так рисковать. Потерять в такой момент командующего Народно-революционной армией Политцентр не может...

– Второй батальон инструкторской школы только я смогу вывести, я все же там курсовой офицер, и солдаты мне верят. Боюсь, что капитан Решетин не справится с этим делом, ему бы свой отряд особого назначения вывести. А что с милицией?

– Павел Дмитриевич наш партиец, вы прекрасно знаете. И милиция, и отряд Решетина указания от него вчера получили. Они давно готовы к выступлению. К тому же в Знаменском сформирована рабочая дружина в пять сотен человек...

– Прекрасно, Марк Яковлевич. Тогда завтра, вернее уже сегодня, нас ждет победа. В наши руки перейдут склады в Военном городке и на Батарейной. А это позволит снабдить всем необходимым Народно-революционную армию и дожать колчаковцев в Иркутске.

– Склады, как я знаю, очень богатые. И сколько там нужного?

– Обмундирования и снаряжения на двадцать тысяч человек. И еще на тридцать тысяч солдат зимней одежды – полушубков, шинелей, тулупов и прочего. Кроме того, масса продовольствия, одного сахара 20 тысяч пудов, мука, сукно, обувь. Это даст возможность выдать чешским эшелонам все для них необходимое, решат ли они следовать на восток, или остаться здесь, для нашей поддержки...

– И потому, как я понимаю, наши доблестные союзники не станут выставлять свои караваны?

– Именно потому, Марк Яковлевич. В этом нет необходимости. По соглашению Политцентр безвозмездно предоставит чехословацким войскам все необходимое и договорится с черемховскими шахтерами о бесперебойной поставке угля для их эшелонов.

– А как с техническими средствами?

– На Батарейной есть четыре аэроплана, полсотни орудий, два десятка бомбометов, три сотни пулеметов, 25 тысяч винтовок, снаряды, три миллиона патронов, гранаты, шанцевый инструмент, колючая проволока и прочее. Там всего очень много, нашим войскам надолго хватит.

– Я аплодирую вам с губернатором – нам удалось полностью придержать этим летом все поставки союзников колчаковской армии. А раздетые и невооруженные солдаты воевать не могут и очень восприимчивы к нашим агитаторам, очень!

Заговорщики переглянулись между собой, одновременно улыбнулись. Планы партии социалистов-революционеров по борьбе с диктатурой Колчака успешно выполнялись в Иркутске при помощи чехов и управляющего губернией Яковлева.

Саботаж намного эффективней вооруженных выступлений, на которых эсеры не единожды обжигались. Лучше разложить армию врага, не дать ей снаряжения и продовольствия, послать к солдатам лучших агитаторов партии, чем напрямую встретиться в бою. И много ли пользы для Колчака представляет батальон охраны на Батарейной, где фельдфебель во весь голос предлагает солдатам переходить на сторону красных, так как он сам знает туда все пути.

– Наши партийцы уже выступили в Красноярске, и успешное восстание в Иркутске полностью погубит как Колчака с его правительством, так и всю белую армию. Вы это понимаете, Николай Сергеевич?

– Понимаю. Но меня тревожат коммунисты – партизаны заняли Нижнеудинск и Балаганск, подступили к Зиме и Канску. А они, как вы знаете, находятся под влиянием большевиков.

– У нас есть все – оружие, снаряжение, продовольствие и деньги. У них нет ничего. Они будут зависеть...

– Но лучше бы обойтись без коммунистов, намного лучше.

– Лучше бы, но вы сами понимаете...

– Понимаю, прекрасно понимаю. Но надеюсь, что наше одновременное выступление в городах собьет спесь с их Сиббюро. Ведь так, а то придется вам стать товарищем Лидбергом, – криво улыбнулся штабс-капитан.

– Как и вам, товарищ Калашников, – с иронией ответил офицеру штатский и встал со стула.

– Вы уже уходите? – Николай Сергеевич тоже поднялся.

– Мне необходимо предупредить членов Политцентра. А вы, пожалуйста, отдохните пару часов, а то светать скоро будет. А командующий НРА должен быть в силах...

– У меня еще достаточно времени, чтобы выспаться...

Слюдянка

В себя Ермаков пришел спустя десять минут – хоть и было в голове пусто, но настроенный внутренний таймер исправно отсчитывал время, тик-так, тик-так.

Вскоре вместо пустоты пришло размышление – «и что же это такое?». Ох, и попал же ты так попал, забубенная головушка. Накаркал бурят с этим его переселением душ, значит, не врут, когда говорят, что такое еще как возможно.

– Душа моя переселилась... Тыфу ты черт, – он машинально перекрестился, – дурь какая-то! В кого? Он тоже, выходит, офицер! Купе-то его. Ясно-понятно, что дело тут вовсе не в том казаке. Это все, – Ермаков обвел взглядом купе, – е г о...

Долгие годы военной выучки привили ему главный принцип: в экстремальной ситуации сначала действуй, а потом думай. Именно это часто спасало его, когда незамедлительные интуитивные действия оказывались самыми точными и правильными, а лишняя трата времени на рассусоливания могла бы стать фатальной.

Ермаков искренне взмолился Богу, чтоб дал хоть полчаса на ознакомление, не привел бы в купе посетителя.

И начал действовать – надо было определить источник освещения первым делом, ибо свечильников и выключателей нащупать не удалось, а спичек в коробке оставалось всего несколько штук. Спустя минуту он нашел искомое – на стенке у двери была прикреплена керосиновая лампа с толстым стеклом.

Подсознательно он уже ощущал неправильность обстановки: старый вагон, керосинка, незнакомая доселе пачка папирос, спички – и те какие-то другие, необычные были.

Сняв заслонку, Ермаков запалил спичку и осторожно поджег фитиль. Дождавшись устойчивого огонька, закрыл лампу и подкрутил колесико регулировки, добившись большого язычка пламени, и полностью осветив купе. Костя даже удивился своей проворности, будто всю жизнь керосиновые лампы зажигал. Лихо у него получилось...

При ярком свете (если сравнивать с пламенем спички, а отнюдь не с лампочкой) ждали новые открытия, подлившие приличную порцию масла в огонь сомнений.

В шкафчике обнаружился полевой офицерский китель с тускло блесевшими наградами. Но какими! Он ожидал увидеть что угодно, но не кресты: святого Владимира на колодке и малый шейный Станислава с мечами (в свое время Ермаков прочитал большую книгу с цветными иллюстрациями об орденах Российской империи).

– Не может быть! – Ермаков разглядывал китель и награды. – Это же царское обмундирование! Может быть, он, то есть, в смысле, я в нем... Нет, тот, в которого попал я... Ну, прежний хозяин тела... Бог ты мой, какую чушь я несу! Какой хозяин? – он опять уставился в зеркало. – Невероятно!

Он снова ощупал свое, то есть чужое, лицо, перевел взгляд на китель с наградами:

– Допустим, эти, как их, реконструкторы, они ведь тоже шьют форму разную, когда постановки сражений прошлых лет воссоздают. А он, который я теперь, наверное, просто увлекается эпохой начала века, – он отчаянно цеплялся за скудную надежду, не веря в то, что уже успел почувствовать, но не успел еще осознать. – Нет, невозможно так сделать форму, учесть все детали, да и ордена-то настоящие, тяжелые, а не дюралевый новодел. Этот китель надевали, именно надевали, даже не надевали, а носили! Видно, что и сукно потертое, вон пуговица чуть ослабла... Даже пахнет он как повседневная одежда, а не используемый время от времени маскарадный костюм: табачище, дымком тянет, такой нормальный повседневный мужской запах.

Да, приятного было мало! Оказаться в незнакомом месте да еще и в незнакомом теле! Тем не менее Ермаков, не откладывая нужных дел в долгий ящик, стремительно оделся в эту форму (а что еще прикажете делать голому и замерзшему до зубного стука человеку). Затем обмотал ступни теплыми байковыми портянками и вбил в щегольские кожаные сапоги, и на мгновение подумал, что тяжело будет ему в такой обуви на морозе.

Еще были большие золотые наручные часы, вернее – хронометр, лежащий на полочке, папка с какими-то бумагами, портмоне и острый старинный солдатский кинжал-бебут в ножнах.

Константин закурил и уселся просматривать извлеченную из папки бумагу, которая оказалась послужным списком Арчегова Константина Ивановича, 1891 года рождения, православного, из казаков Терской области, холостого.

– Старый знакомый! – воскликнул было он в мыслях, как вдруг его словно окатило ледяной водой.

Он судорожно стал перелистывать бумаги, открыл портмоне и вытряс его содержимое. На стол вывалились восемь монет желтого цвета, определенно золото, сомнений не было, и несколько серебряных.

Рассматривать и рассортировывать богатство времени уже не было. Прощупав ткань, он обнаружил потайной карман и извлек оттуда фотографию, на которой рядом с молоденьким офицером в эполетах сидела симпатичная девушка в старинном платье с кружевами.

Лицо офицера показалось Косте знакомым, но, как он ни напрягал память, так и не вспомнил. Еще бы – с 1913 года много воды утекло. А вот надпись на обороте, написанная бисерным женским почерком, была замазана чернилами, а ниже ее приписано крупными буквами – «сука».

Ермаков напряг зрение и смог прочитать – «На память Костику Арчегову. Я люблю тебя, мой птенчик». Причем последнее слово заканчивалось твердым знаком.

Еще раз взглядевшись в лицо офицера с фотографии, он шумно выдохнул и подошел к зеркалу:

– Ну вот и все! Добро пожаловать на войну!

Нижнеудинск

В предрассветных сумерках еле виднелись дымки из печных труб многочисленных вагонов двух литерных эшелонов Верховного Правителя.

Первый эшелон состоял только из пассажирских вагонов – в голове несколько классных синих и желтых, а за ними длинный хвост зеленых, третьеразрядных.

Второй эшелон был составлен из полсотни обычных теплушек, с надписями на бортах – «8 лошадей, 40 человек». Четверть теплушек выпускала приветливые дымки, а другие три четверти казались безлюдными, если не считать солдат, которые протянулись реденькой цепочкой вдоль вагонов.

Однако эшелоны и охрана были не одни – рядом с литерными поездами дымил на рельсах паровоз с надписью «PRAHA» на кустарно бронированном котле. Таким же листовым железом были покрыты и два вагона впереди и сзади паровоза, ошестившись стволами бортовых

пулеметов и хищно выставив вперед из наружных торцов накрытые бочкообразными щитами длинные оружейные стволы.

Бронепоезд поддерживали многочисленные группы солдат, одетых в меховые шапки и шинели, в меховых рукавицах они сжимали винтовки или кургузые, с толстой трубой ствола, английские «Льюисы» – ручные пулеметы.

Вместо трехцветного бело-сине-красного угольника, российского триколора, что был на рукавах охраны теплушек, эти солдаты носили полоску из двух цветов флага новоявленного чехословацкого государства – белого и красного.

Российская империя всегда была щедрым старшим братом, недаром еще со времен русско-турецких войн русские для своих соседей-славян – болгар, чехов, словаков, сербов – были «братушками». И они для нас тоже.

В годы Первой мировой войны Россия приняла около пятидесяти тысяч союзников, вчерашних пленных – чехов и словаков, массово дезертировавших из австро-венгерской армии. Из них сколотили дивизии, и они лихо начали сражаться против немцев и венгров бок о бок с русскими солдатами.

Но в России свершилась революция, не нужная никому война закончилась. Чехи висели теперь над молодой большевистской Россией дамокловым мечом, так как могли в любой момент повернуть свое оружие против красных, встав на защиту прежних союзников, теперь уже белых, пусть и не идейно, но хотя бы за деньги.

Чешский корпус же рвался вернуться на родину любой ценой. Дорога домой через австрийские земли была им, что называется, заказана. Эвакуация назад в Европу была возможна теперь только длинным окольным путем: через всю страну на Восток, а оттуда морем до портов Франции.

Попытка большевиков в мае 1918 года разоружить чешский корпус не увенчалась успехом. Вооруженные до зубов «братушки» примкнули штыки и разогнали красных по всей линии Транссиба.

Но прошло чуть больше года, и история повторилась вновь. Три дивизии чешского корпуса снова прошли полстраны, от берегов Волги через всю Сибирь. И опять оказались растянуты по всей линии Транссиба. Эвакуация во Владивосток сорока тысяч солдат и офицеров затянулась уже на полгода. Первая дивизия продвигалась по Маньчжурии, вторая тянулась к Иркутску, а последняя только собиралась уносить ноги из Красноярска от наседавших красных и партизан.

Союзники белых де-юре, фактически в декабре 1919 года они показали себя в роли беспринципных предателей, ищущих только собственной выгоды и готовых заключить сделку хоть с дьяволом ради спасения своей шкуры.

Чешские эшелоны по пути следования увеличивались как снежный ком, обрастая по пути тысячами и тысячами вагонов награбленного по дороге русского добра, включая автомобили, катера, тонны различного скарба: одежда, самовары, швейные машинки, продовольствие. Дело дошло уже до того, что на двух чехов приходилось по целому вагону трофеев.

Вроде бы рядом стояли союзники, русские и чехи, вот только взгляды, которые они настороженно кидали друг на друга, мало походили на дружеские, они скорее напоминали волчьи, когда оценивают врага перед последним броском.

Настороженности добавляли частые винтовочные выстрелы, доносившиеся из города и свидетельствовавшие о появлении третьей силы – партизан.

Впрочем, последним было сейчас не до чехов и белых, они с увлечением грабили и убивали нижеудинских обывателей, забирая имущество и жизни по праву сильного.

Но это не могло не нервировать русских и чехов на станции – слишком большие ставки были выложены на стол Марса. От Красноярска до Нижнеудинска выстроились две сотни эшелонов 3-й чехословацкой дивизии полковника Прхалы.

Где-то далеко подходили к Енисею усталые и обескровленные белые войска, а здесь, на станции, в пятистах верстах от Иркутска, находился Верховный Правитель России адмирал Колчак, а с ним – то, что чудовищным по силе магнитом притягивало все внимание чехов, а именно золотой запас бывшей Российской империи.

Соблазн был слишком велик – без малого полтысячи тонн золота, платины и серебра на 450 миллионов золотых рублей. Такой бы куш да доставить на нищую родину гуситов! Но надежной преградой к сокровищу стояли русские штыки...

Верховный Правитель еще не спал, да и какой сон мог быть в такой обстановке. Вот уже которую ночь все русские в литерных эшелонах не смыкали глаз, и было отчего.

Чехи нагнали с каждым часом, все более превращаясь из союзников в оккупантов. Их бесчисленные вагоны запрудили железную дорогу, и так задышающуюся от беспорядочной эвакуации на Восток. Вернее, панического бегства всех, кто не желал оставаться под властью красных. И эти русские эшелоны уперлись в чешский затор.

Они фактически заполонили железную дорогу бесконечными лентами своих эшелонов – из русских вагонов и с русским же добром. И сорвали эвакуацию из Омска и других сибирских городов.

Они не пропустили ни одного русского поезда – женщины, дети, старики, раненые умирали в вагонах или разбредались в поисках милости от красных и свирепых сибирских партизан. Вот только милость была очень редка в опаленных гражданской войной сердцах.

А из окон своих вагонов, сытые и в тепле, на творящиеся ужасы спокойно взирали вчерашние пленные, ставшие хозяевами. Если бы только взирали! Они захватили все станции со складами, полностью изгнав русских, отбирали силой паровозы у эшелонов с русскими, обрекая их на заклятие. И так было повсеместно...

И только для литерных эшелонов они сделали исключение, пропуская на восток, к долгожданному Иркутску. Уже под Красноярском адмирал понял, что стал заложником каких-то непонятных планов генерала Жанена, командующего союзными войсками в Сибири, и командующего чехословацким корпусом генерала Сыровы.

Почему они пропускали литеры и тут же отсекали другие русские эшелоны, особенно военные? Движение эшелонов только днем для него было понятно, ведь ночью наступало время партизан, но почему такой надзор по ночам, более похожий на строгий арест? Постоянное сопровождение чешскими бронепоездами еще можно объяснить беспокойством за драгоценный груз, вот только почему Жанен постоянно требует, чтоб золотой запас взяли под свою охрану чехи? Вопрос...

Колчак прислонился лбом к холодному стеклу – пульсирующая боль стала потихоньку отступать. Через пару часов к эшелонам прицепят паровозы, и можно будет немного отоспаться... Но это будет позже, а пока нужно найти ответы на вопросы. Ответы, которые боишься дать даже самому себе, потому что их знаешь...

– Александр Васильевич, – адмирал повернулся к вошедшему в купе через открытую дверь председателю правительства Пепеляеву, еще молодому, не достигшему и сорока лет, крепкому сибирскому мужику. Да и сам Верховный Правитель еще далеко не достиг того рубежа, с которого начинается старость – ему было 47 лет.

– Только что поступила телеграмма из Иркутска от военного министра генерала Ханжина – «Иркутский гарнизон не в состоянии выделить достаточного отряда в Черемхово для восстановления порядка. Необходима немедленная присылка войск из Забайкалья. Временное подчинение Иркутского округа атаману Семенову необходимо», – рука премьер-министра дрожала. – Простите, Александр Васильевич, но нужно немедленно обратиться к атаману Семенову за помощью, иначе будет поздно.

Колчак нахмурился, взял из коробки папиросу. Сломал спичку, прежде чем закурил. Он всей душой ненавидел хитрого атамана, японского ставленника, но ничего сделать с ним не

мог. А в декабре прошлого года, когда дело дошло до разрыва, в Иркутске подготовили военную экспедицию для изгнания Семенова. За атамана стеной встали японцы, пригрозив применить силу. Пришлось отступить и скрепя сердце формально примириться. И вот придется идти к нему на поклон... Этого адмирал не хотел, достоинство и честь не желали вступать в сделку. Но что делать?!

– Александр Васильевич, только у Семенова есть боеспособные войска, и он может отправить их на Иркутск. Вы вчера произвели атамана в генерал-лейтенанты, так будьте последовательны, сделайте следующий шаг...

– Хорошо, Виктор Николаевич, я отдам необходимые приказы, – после тягостного минутного размышления ответил Колчак и громко позвал своего адъютанта. – Лейтенант Трубчанинов!

Дверь в купе немедленно отворилась, и на пороге вырос молодой морской офицер, внимательно посмотрел на адмирала.

– Дмитрий Сергеевич, немедленно подготовьте приказ. Назначить генерал-лейтенанта Семенова Григория Михайловича с сего дня командующим войсками Иркутского военного округа. Пусть добавят необходимое или нужные изменения. И вызовите ко мне генерала Занкевича.

Через две минуты дверь снова отворилась, и в кабинет вошел коренастый, с белым Георгиевским крестом на кителе, невысокий генерал, одних лет с адмиралом. Пристально посмотрел Колчаку в лицо.

– Михаил Ипполитович, какие силы может двинуть атаман Семенов на Иркутск, и когда они смогут выступить? И еще одно – сможет ли командующий гарнизоном Иркутска выслать нам навстречу отряд?

– Один-два батальона и 3–4 бронепоезда могут выйти из Верхнеудинска после короткой подготовки, – генерал ответил без раздумий, видно, заранее думал над таким вариантом. – В Иркутске будут 29–30 декабря, не раньше. А вот пройдут ли дальше, тут все зависит от генерала Жанена и чехов. У генерала Сычева в Иркутске войска ненадежны. Рассчитывать можно только на военные училища и егерский батальон, но последний подавляет восстание в Александровском центре. И потому у него нет войск для отправки...

Слюдянка

Здоровенная бутыл с мутной жидкостью, извлеченная Ермаковым (или уже Арчеговым?) из-под полки, доверия не вызвала. Выдернув пробку, в качестве которой был использован свернутый трубочкой лист бумаги, он испытал незабываемые ощущения – в ноздри ударил ядреный аромат самогона, да такой, что с души поворотило.

Ради интереса развернул лист-пробку:

– Хорош ротмистр! – от удивления Ермаков даже поцокал языком. – Боевым приказом бутыл затыкать! Благо, что в туалет с ним не сходил!

Он прекрасно понимал, что вся эта война, длившаяся, если считать с Первой мировой, пять с лишним лет, превратилась в чемодан без ручки: и нести тяжело, и бросить жалко. Устали, вымотались уже все от нескончаемых смертей, голода, разрухи, а, главное, чувства безысходности.

– Но зачем же так? – искреннее недоумение начинало перерастать в глухую злобу. – Тебя же никто на аркане не тянет! Брось все! Подай рапорт, как это уже сделали сотни, если не тысячи. Беги в Маньчжурию! Если и плюнут в спину, то тебе уже все равно. А так... Сидеть и заливать грусть-тоску... Смалодушничать... Ладно, самому обгадить честь мундира, но и бездарно потерять единственный шанс на спасение... Не понимаю!

Он в бессилии опустил руки. Взгляд снова упал на бутыл с самогоном, и Ермаков в порыве злобы швырнул ее на пол. Она покатилась, пролившийся остаток литра в полтора наполнил купе отвратительным запахом сивухи.

Ермаков вдруг понял, что он с прошлого дня ничего не ел. К самогону полагалась закуска в виде миски соленых огурцов во льду, числом в три с половиной штуки, куса задубевшего сала с привычную пачку масла, и маленького кусочка хлеба, что лежал на огурцах. Ну а в дополнение шла тара – обычная жестяная кружка. Костя посмотрел на остатки пиршества, и желудок заурчал, будто голодный тигр.

Устоять под острым лезвием бебута салу и огурцу не удалось, хоть и имели они застывшую каменность. И Костя приступил к трапезе, благо был старый солдатский прием – маленькие кусочки еды греют во рту и, как только они растают, медленно жуют. Сочетание сала, хлеба и огурца было восхитительным, и вскоре Ермаков приглушил чувство голода.

– Неплохо Константин Иванович на рабочем-то месте откушивает, – он поддел ногой пустую бутылку, отчего та укатилась назад под лавку. – Только закуска слабовата! Исходя из чего можно сделать вывод, что господин ротмистр презрел культуру питания и вульгарно нажирается. Понятно, что и повода особенно допытываться не стоит: вон он, повод, бутылку затыкал! А я все думал, почему он медлил и не выдвигался на Иркутск?

Ответа на этот вопрос искать не нужно было. Ему и так все было понятно. Водкой на Руси обычно заливали либо радость, либо беду. А тут беда было во сто крат помножена еще и на острое чувство собственной беспомощности и полного крушения надежд.

Белое движение по всем фронтам потерпело крах. В Сибири же произошла самая настоящая катастрофа. Противостоять надвигающимся большевикам у солдат адмирала Колчака уже не было сил, а главное, желания.

Они остро нуждались в передышке, и потому, не задерживаясь, многотысячная масса устремилась к Иркутску, надеясь на берегах Ангары и Байкала отсидеться под защитой войск атамана Семенова, за которым грозной стальной щетиной маячили японские штыки. Напрасны были их надежды...

– Чего же Арчegov пьет-то? Ведь есть еще шанс, и немалый! – Ермаков возбужденно ходил по небольшому свободному пятачку между шкафом и окном. – Я же столько раз просчитывал, прикидывал варианты! Неужели он просто испугался? Нет! Не может быть!

Он вдруг остро ощутил прилив какой-то неведомой смеси разочарования, боли, отчаяния, страха, всего того, что, подобно лавине, захлестнуло его душу. Словно невысказанные чувства Арчegovа, заливаемые водкой и задвинутые им в самые потаенные уголки разума, вырвались наружу.

Ермаков вдруг вспомнил самого себя в госпитале, когда врач кричал ему в лицо, вырывая его из цепких лап смерти, кричал «Борись!», «Живи!», но ему было уже все равно. Душа, опустошенная войной, отказывалась и жить, и бороться. Разом умерли все чувства и эмоции. Только лучиком надежды теплилась мысль о жене и сыне, о возвращении домой, возвращении с войны.

Именно это и спасло его тогда, воскресило и дало силы для борьбы не столько с ранами, сколько с самим собой.

– А ты, батенька, жидковат оказался, – он разглядывал лицо Арчegovа в зеркале, пытаясь если не заглянуть в душу, то хотя бы понять, – раз не захотел бороться до конца! Или просто не смог?

Константин понимал его боль, понимал до самой последней капельки, ведь он сам прошел через это. Для обычного человека крушением мира было бы предательство близкого человека: измена жены, к которой он, как Одиссей, шел через все свои скитания, а, вернувшись в родной дом, ведомый лучиком маяка, которым все эти годы была его любовь, в одночасье потерял все.

Гораздо страшнее было предательство со стороны Родины, которой он честно служил все эти годы. Еще в детстве он запомнил оброненную вскользь матерью фразу: «Жена найдет себе другого, а мать сыночка никогда».

С этим лейтмотивом, только перефразированным в отношении себя самого, что солдат найдет себе другую, а мать и Родина одна, он и шел по жизни. Вот и Арчegov, выходит, потерял, как и он сам в свое время, свои тылы.

– А ведь красивая, зараза! – Ермаков старался в тусклом свете лампы разглядеть черты лица девушки на фотографии. – Не зря же говорят, что красивая жена – чужая жена.

Положив фотографию обратно в портмоне, он закурил:

– И все-таки порядочная ты сволочь, господин ротмистр! Тебя баба шесть лет назад бортанула, а ты до сих под сопли размазываешь! Тебе бы мою Ленку с ее претензиями на обеспеченную жизнь! Тебе, в отличие от меня, Родина в морду не плюнула, ты сам от нее отвернулся. Плюнул на нее, когда надо было зубами рвать, кровь всю до последней капли выцедить за нее! – он со злостью сжал в кулаках попавшиеся под руку бумаги.

Очень захотелось со всей силы, наотмашь, заколотить по столу, по стенам, выплескивая всю ярость и отчаяние. Словно все копившиеся до поры до времени как у него, так и у Арчegovа чувства прорвали и его тщательно выстроенный волевой заслон, и стену безволия и безразличия его визави.

Ермаков тяжело опустился на топчан, с силой сжал виски и зажмурился. Перед глазами поплыли яркие пятна, в голове завертелись, закружились в давешнем безумном водовороте звуки и образы. Внезапный яркий свет превратил время в мгновение, пронзительное нечто наполнило собой все пространство, заглушая растворяющийся где-то вдалеке тягучий стон бубна...

Он не знал, сколько прошло времени: минута, полчаса, может быть, больше. Сначала сделал вздох, потом еще один, сглотнул липкую горькую слюну, кашлянул. Открыл глаза: то же полутемное купе, шкаф, заледенелое окно и шашка с револьвером на стене.

– Наверное, так и умирают! – Ермаков потихоньку приходил в себя. – Только как это возможно? Судя по тому, что я здесь живой... Значит... Я умер там!

От осознания этого на него навалилась такая пронзительная тоска, что захотелось выть и скулить. Там, в 1997 году, у скальника недалеко от заброшенной станции Кругобайкалки умер Константин Иванович Ермаков. Вернее, умерло его тело.

А здесь, в 1919 году, в штабном вагоне базового поезда дивизиона бронепоездов, умер Константин Иванович Арчegov.

– Цырен сказал, – он уже окончательно успокоился и попытался проанализировать все произошедшее, – душа испугалась и улетела! Я свою душу испугал, а его, Арчegovа... Она сама испугалась. Далее... Ну, во-первых, насчет того, что душа моя улетела, или как там еще. Видимо, от моих всех душевных метаний ослабли связи с астральным телом. Иного объяснения я не вижу! Арчegov, скотина, тоже, видимо, допился до чертей, прости Господи, и его астральное тело само уже решило податься налево.

Константин ощутил прежнее внутреннее напряжение, знакомое ему по моментам, когда он принимал единственно верное решение. Это было сродни задержке дыхания в момент прицеливания. Вбитые намертво рефлексы делали свое дело, не давая психике сорваться в истерику и ненужную сейчас рефлексию.

– Во-вторых, моя душа, ладно уж, будем говорить прямо, или как там еще называются все эти астральные, ментальные и тому подобные лабуды, не вдаваясь в подробности, разделилась с телом, – он потер лоб. – Так вот, душа отлетела и улетела туда, где были мои мысли. Не нужно быть семи пядей во лбу, чтобы понять, где они были. Были они как раз тут! Ведь я даже в тот момент думал не о том, что сказал мне Цырен, а об Арчegovе! Не лично о нем самом, конечно, а об окружающей его обстановке. Вот, блин, я же глядел на рельсы и представлял себе, как по ним из туннеля накатывает бронепоезд!

Он закурил:

– В-третьих, тут, в девятнадцатом году, еще один маялся. Душа, используемая в основном как собеседник-собутыльник, подалась в странствия, а тело, как говорится, простаивало. Получается, моя душа притянулась в его тело, а мое тело притянуло его душу. Моя душа не могла дольше находиться в умирающем теле, а его выхолощенная душа, по сути, не способна была к жизни... Подобное притягивается к подобному? Более того, моя душа не отпускала умереть мое тело, так как слишком хотел жить я сам... А его тело не пускало его же душу, жило, так сказать в режиме ожидания подходящей души! Ни черта себе! И вот мое тело, соединившись с его душой, обрело покой? – Ермаков был несколько ошарашен не столько своими догадками, сколько следовавшими из них выводами. – Фу-у! Полагаю, то, что я испытал при перемещении, другого слова и не придумаешь, было или инфарктом или инсультом, как минимум, а то и оба сразу! А то как меня сейчас потрянуло... Это, технически говоря, остатки его души отходили. Надеюсь, все отошли, а то еще на людях скрючит... Кстати, о людях! Пора мне заканчивать с этой лирикой! От того, как и почему все произошло, легче мне уже не будет. Судя по тому, что там мне уже некуда возвращаться, жить и, возможно, умирать по-настоящему придется мне здесь! Посему, чистить сапоги мы начнем с вечера, а утром будем надевать на свежую голову!

Не откладывая в долгий ящик, Ермаков расправил смятые в руке бумаги. Самой стоящей из них оказался послужной список Арчегова. Желая ознакомиться со своей новой биографией, он стал внимательно вчитываться, чтобы не упустить мельчайшие подробности.

Можно было не опасаться мелких проколов, по крайней мере сейчас. Окружающие их спишут на пьянку. Но в основном он должен узнать все, и не только о себе любимом, но и обо всем.

В понятие «обо всем» входило очень многое – и окружающая обстановка, и окружающие люди, офицеры дивизиона в первую очередь, и даже банальная стоимость булки хлеба в лавке.

Слава богу, об этом всем он прочитал много в свое время (далась ему эта глупая при-сказка, теперь «своим» нужно уже другое время величать). По сути, эта его одержимость и сыграла с ним злую шутку, забросив его туда, о чем он бредил последние месяцы той, прежней его жизни.

Первым делом отметил возраст – помолодел почти на десять лет. А ниже пошло уже намного интереснее – в 1913 г. Арчегов окончил Елизаветградское кавалерийское училище, получил чин корнета и зачислен в состав 14-го Малороссийского драгунского полка, с коим в 1914 году отправился на фронт.

А воевал он лихо – последовательно получал чины и стал в феврале 1917 года ротмистром, то бишь равным капитану или казачьему есаулу.

Награждали его немало – Костя насчитал шесть орденов плюс георгиевское оружие. У самого подполковника Ермакова орденская «вывеска» была чуть меньше, но зато имелся еще десяток медалей.

Также Арчегов был дважды ранен и контужен, но не так серьезно, как Ермаков, судя по тому, что признан к строю без ограничений. В 1918 году служил в особом маньчжурском отряде, а с апреля 1919 года стал командиром дивизиона бронепоездов. Список подписал начальник (а не командир, прямо какая-то канцелярия) дивизии броневых поездов генерал-майор Богомолец.

Ничего больше не выжав из этой бумаги, Ермаков решил подвергнуть ревизии свое богатство: собрал рассыпавшиеся под бумагами, извлеченные из кармашка портмоне монеты – четыре маленькие и четыре большие.

Так и есть! Все они оказались из тусклого желтого металла, которое не могло быть ничем иным, кроме золота. Три монеты в унцию весом были знакомы раньше по картинкам – американские 20 долларов. Четвертая монета такого же веса была французской – в 100 франков. Старинные монеты – отчеканены между 1889 и 1907 годами.

Мысленно поздравив себя с богатством, он изучил четыре другие монеты, что оказались российскими империалами в 10 рублей, с бородатым профилем императора Николая на обороте. Вес монетки, как он знал, был в четверть унции, или восемь граммов, и потому через секунды Костя сделал для себя удивительное открытие – доллар соответствует двум золотым рублям или пяти франкам. Вот это номер! А в его прежнем мире за бумажный бакс по семь тысяч деревянных платят! А за золотой? «Лимон», не меньше!

В накладном кармане френча оказался карандаш и массивный ключик от неизвестно какой двери или замка, носовой платок и два серебряных рубля 1907 года. И все. Хотя Ермаков тщательно все обшарил – и брюки, и шинель, и шкафчик. Даже в папаху посмотрел – ничего более не обнаружил.

Его взгляд упал на заледенелое окно:

– А там, интересно, что?

Ответ, конечно у него уже был, интересовала теперь уже чисто практическая обстановка: местоположение на Транссибе. Он подышал на замерзшее окно, через минуту посмотрел в крохотное отверстие.

Слюдянка. Он и не освещенным узнал бы ее вокзал, правда, некоторые окна заколочены почему-то досками. Других подобных вокзальных зданий просто не могло существовать в радиусе тысячи верст, Костя знал это точно – почти год до срочной службы ездил сюда на электричке.

Судя по всему, электрический свет был отключен не только на станции и дороге, но и в городе, который просто покрыла тьма. Лишь в стороне от угла здания бликовали языки костра.

Пришлось Ермакову, еще пару минут отогревая дыханием стекло, увеличить дырочку в размере. Потом долго размышлять над увиденным – у костра грелись двое – в папах, но один был в шинели с накинутым башлыком, а второй в полушубке. Но оба солдата, а это были именно солдаты, держали обычные трехлинейные винтовки Мосина (Костя мог положить голову на заклание, ибо хорошо знал оружие) с примкнутыми гранеными штыками.

– Все-таки декабрь девятнадцатого! – он пожевал рассольного ледку. – Иначе чего бы делать Арчegovу на бронепоезде в Слюдянке? Определенно декабрь девятнадцатого! И не просто декабрь, а конец декабря! Он ведь уже получил приказ от Семенова и должен идти на всех парах на Иркутск!

«А майором-то я снова стал, только с переименованием в ротмистра. И Константином Ивановичем остался, так что к новому имени и отчеству привыкать не надо. И с фамилией новой повезло, тоже казачья – Арчegov, но не такая громкая, как у меня. Сбылась «мечта идиота» – попал в прошлое, прямиком на гражданскую войну. Теперь есть шанс спасти адмирала Колчака и хотя бы здесь не допустить совдепии, а может, и вся история России по другому пути пойдет. Попадешь еще в анналы, Костя, попадешь. Если зевалом хлебать не будешь, а то в анал запихнут», – Ермаков возбужденно прошелся по купе, пиная сапогом по полкам.

Все исторические события, даты, названия мест, имена и фамилии основных действующих лиц декабря девятнадцатого теперь четко заняли свое место в его голове, словно кто-то заботливой рукой разложил ранее не стыковавшиеся части мозаики.

Радость переполняла его душу и норовила выплеснуться через край. Тело на восемь лет моложе, он тогда только ротным трубить начал, молодым и дерзким, не дряблкое, кое в чем даже лучше, ноженька в полном порядке, но главное – есть приказ генерала Скипетрова, который был использован в качестве затычки в самогонной бутылки.

– Что там Леонид Николаевич мне пишет? – вслух произнес Ермаков, взял, бережно расправил листок и с чувством продекламировал: – «Прибыть 23-го на станцию Слюдянка, подготовить броневые поезда к походу и 26-го убыть в Порт Байкал, где дожидаться моего прибытия. Генерал Скипетров. 22 декабря 1919 года».

Сей приказ был отправлен на станцию Танхой, что рядом со Слюдянкой, из Верхнеудинска телеграммой, судя по всему, по аппарату Бодо и был наклеен ровными полосками на листке бумаги.

Ермаков положил приказ в папку, лег на топчан и с наслаждением вытянулся:

– Да, дела! Дерьма теперь придется хлебнуть полной ложкой! Планы-то я настроил, а как быть с ними сейчас? Гладко было на бумаге, да забыли про овраги! А тут не овраги, тут Большой Каньон в Колорадо, не меньше! Психологию хотя бы взять, менталитет... Вон, тот же Арчегов! В настоящей истории они с генералом Скипетровым, хорош у атамана Семенова заместитель, дали деру из-под Иркутска, как только подошли чешские бронепоезда и навели пушки!

Константин сел, свесив ноги:

– Пять минут, пять минут! – он пропел строчку из известной песенки. – Это много или мало... У меня, конечно, не пять минут, а два дня. Два дня – это мало! А сорок восемь часов? Сорок восемь часов – это много! Чертовски много, если не сидеть и не тратить время на ненужные раздумья!

Ермаков соскочил с топчана, помахал кулаками, отработал серию ударов и сделал зарубку на память – тренироваться, тренироваться и тренироваться. Отдав сам себе такое нужное ЦУ, свежеиспеченный ротмистр решил не откладывать знакомство с подчиненными в долгий ящик и, повернув ручку, толкнул купейную дверь.

К его удивлению, в вагонном коридоре было пустынно, совсем ни души. Костя искренне удивился и, почувствовав известную нужду, решительно отправился в сторону концевого тамбура.

Вагон не производил впечатления – пошарпанные двери, коврика на полу нет и в помине, одно окно выбито, но аккуратно заделано фанеркой. Да уж, сей вагон долго гремел на дорогах, и настигла его почтенная старость. Видно, что дела у российской государственности совсем хреновые пошли, раз даже для штаба дивизиона бронепоездов получше вагона не нашлось.

Дойдя до последней двери, Ермаков умилился: в советских плацкартах, оказывается, был голимый плагиат – с той стороны заперлись на замок, а здесь надпись «занято» появилась. Но сейчас дверь была открыта, и Костя шагнул в туалет.

Тот был самую малость комфортнее советского собрата, но только самую малость – умывальник с висящим вафельным полотенцем, чуть грязноватым, жестяной унитаз, вместо рулона туалетной бумаги имелась коробочка с нарезанными серенькими листами. Единственный недостаток – полная темнота, керосиновой лампы, как в коридоре, не имелось. И то правильно – надо горючку беречь...

Облегчившись, Ермаков пошел к противоположному торцу. Все то же самое – только вагон намного меньше, всего семь купе, в торцах по туалету, а вторая дверь открыта, свет лампы проем озаряет.

Костя заглянул – все как в служебном купе для проводников, только полка сверху лишняя – на ней под армейской шинелью кто-то спал, упершись в стенку голыми пятками. А вот сидевший внизу оказался натуральным воякой железнодорожных войск – на накинутой на плечи шинели черные погоны с молотками и тремя лычками сержанта, лицо одутлое, усталое, под полтину годами. Но дремал чутко – тут же очнулся и вскочил с диванчика. Лихо вытянулся во фронт, даром что пожилой, и открыл было рот для рапорта...

– Т-с, – Ермаков приложил палец к губам, – пусть поспит, устал ведь...

– Так точно-с, господин ротмистр, устали-с, – тихим голосом согласился сержант.

– Как звать-то тебя по батюшке? – участливо спросил Костя, завязывая короткое знакомство с дальним прицелом. По вьезшейся привычке к службе он прекрасно знал, что вот такие матерые вояки – бесценный кладезь информации, любой офицер удавится, и надо только

уметь их раскрутить. А Ермаков умел, и ситуация позволяла – разговору по душам никто не помешает.

Но удивился ответной реакции железнодорожника – тот окончательно растерялся, стал терзать пальцами шинель, однако вскоре собрался.

– Трофимом Платоновичем зовут, господин ротмис...

– Оставь чин, вне службы у меня имя-отчество есть – Константин Иванович. Так и зови. А есть ли кипяточек у тебя, Трофим Платонович?

– Затопил титан, ваш бродь, Константин Иванович, через четверть часа водичка подоспеет, простите великодушно-с.

– Да что я, не понимаю, что ли, скоро только кошки родят, и то им время нужно, – небрежно бросил Ермаков и снова удивился реакции солдата – ясно выраженный страх на лице сменило сильное недоумение.

«Ага! Тут ты, Константин Иванович, повел себя совершенным антиподом с Арчеговым. Тот, видать, этого мужика за какую-то провинность повесить собирался или ритуально расстрелять», – мысленно рассмеялся Ермаков и решил снять напряжение, вытащив из кармана галифе прихваченную с собой пачку папирос.

– Закури мои, Трофим Платонович, и зла не держи, – на всякий случай добавил в голосе просительных ноток. И похвалил себя за догадку – сержант облегченно вздохнул, заскоружеными пальцами вытащил из коробки папироску и, поймав вопросительный взгляд офицера, тут же вытащил «катушку». Как тут называлась зажигалка, сделанная из обычной гильзы, Ермаков не знал, но в его время называли их ласковым именем реактивного миномета времен Великой Отечественной. Щелкнув кресалом, протянул офицеру маленький симпатичный язычок пламени.

Закурив, дружно пыхнули дымком, но стояли молча. Ермаков углубился в свои мысли о жизни, а сержант боялся побеспокоить молчание, как он уже на своей шкуре узнал, скорого на расправу ротмистра.

– Ты обиды не держи, ты же се... – и тут Ермаков осекся, мысленно себя кляня – какой сержант в это время, их унтер-офицерами сейчас именуют, и потому сразу же поправился. – Старший унтер-офицер, и понимать должен, что на службе всякое бывает. Нам скоро в бой идти, и умирать с тобой рядом будем, что ж душу маять. Так ли?

– Так, Константин Иванович, – унтер оживал прямо на глазах, и, хоть была видна некая растерянность во взгляде, но перед Ермаковым уже был нормальный сержант, или унтер, как здесь их именуют, такой же сверхсрочник, с которыми он служил долгие годы. Пусть и войска, и времена были разные, но солдатская суть одна. И потому расколоть его на бесценную информацию требовалось немедленно, чем новоиспеченный ротмистр и занялся...

Глазково

Призывно гудели паровозы, испуская клубы белого дыма. Длинными лентами запрудили станцию сотни теплушек и платформ. Над пассажирскими вагонами поднимались в небо многочисленные дымки растопленных печек и титанов. Несмотря на раннее утро, жизнь на большой станции бурлила – между эшелонами и красивым зданием вокзала бегали люди, главным образом военные в длинных серо-зеленых шинелях, хотя изредка попадались и гражданские. На входном семафоре хищно ошетились орудийными башнями бронепоезд, окрашенный в белый маскировочный цвет.

Восходящее солнце еще не разогнало туман над синей гладью холодной Ангары, и он ледяными каплями оседал на шинелях часовых, которые редкой цепочкой были вытянуты вдоль эшелонов из синих первоклассных вагонов, у дверей которых было вывешено разноцветье флагов – чешских, французских, английских, североамериканских и японских. Это были вагоны иностранных миссий, спешно выехавших перед приходом красных войск из Омска в далекий Иркутск. Именно послы этих держав определяли всю политику своих стран при непри-

знанном правительстве адмирала Колчака, хотя на станции можно было разглядеть также итальянские, румынские и польские флаги. Но то была экзотика на бескрайних сибирских просторах, и реальной силы за последними флагами не было, а лишь амбиции – мы, мол, тоже есть, и тоже великие державы...

В одном из многочисленных вагонов под флагом недавно появившегося (едва год прошел) чехословацкого государства было очень тепло, а раздвинутые занавески на оттаявших окнах давали возможность потушить изрядно коптившие керосиновые лампы и пользоваться естественным светом.

Это был вагон-салон командующего Чехословацким корпусом в Сибири бывшего поручика австро-венгерской армии, волею судьбы вознесенного в генералы, Яна Сыровы. Роскошный спальный вагон был переоборудован в штабной, имелось все необходимое – спальное купе, кабинет, купе для адъютантов и вестовых, маленькая кухня, туалеты и большой салон. В нем сейчас собрались пятеро – трое в военной форме и двое в штатском.

Именно эти люди сейчас вершили судьбу корпуса, а заодно влияли на дальнейшую жизнь обезумевших в междоусобице сибиряков. Здесь, в Иркутске, они значили больше, чем послы всех великих держав, вместе взятые, включая командующего союзными войсками французского генерала Жанена. Потому что за ними была реальная сила – 20 тысяч штыков двух чехословацких дивизий.

Приказ президента Масарика был краток и жесток – вывезти все эшелоны с награбленным русским добром, ибо в нем отчаянно нуждалась молодая Чехословакия. Приказ собравшимся был ясен, но как пропихнуть длинную ленту эшелонов, которая еле ползла на восток и напоминала удава, обожравшегося дармовыми кроликами. И разговор был напряженный...

– Я отдал приказ командиру 3-й дивизии не пропускать ни одного союзного, а также русского эшелона. Восточнее Енисея никто не пройдет, пока не уедет наш последний войсковой эшелон, – генерал, отсутствующий правый глаз которого был закрыт повязкой с черным кругляшом, говорил резко, барабанил пальцами по столу.

– Более того, с этого дня будут отобраны паровозы у всех эшелонов, которые уже идут рядом с нашими...

– Извините, пан генерал, но это может вызвать острое недовольство адмирала Колчака, который и так относится к нам враждебно, – только один человек, председатель Чехословацкого комитета в Сибири Богдан Павлу мог вот так, хоть и тактично, перебить генерала.

– Эшелоны русских от Новониколаевска дальше Красноярска не пройдут, в городе вчера началось восстание, поднятое эсерами во главе с Колосовым. На сторону повстанцев перешел весь гарнизон с генералом Зиневичем. Так что претензии Колчака не к нам. Что касается паровозов, то только крайняя необходимость толкает нас на это. Всем вам прекрасно известно, что русские ремонтники умышленно портят паровозы, морозят котлы. И так по всей линии железной дороги. Кроме того, этим мы спасаем русских – лучше им остаться в стоящих вагонах, чем попасться в руки к партизанам, которые уже заняли Нижнеудинск и Зиму, – генерал остановился, и внезапно его глаз чуть сверкнул, а уголок рта скривился в подобие улыбки.

– Сегодня будут взяты паровозы и с русских литературных эшелонов, – невозмутимо продолжил Сыровы, – необходимо вывезти из города батальон 6-го Татранского полка.

– Пан генерал, – доктор Гирс не мог удержаться от вопроса, – русский правитель непредсказуем. Он может приказать своим солдатам открыть по нам стрельбу. И как мне объяснить послам такой наш шаг, как я понимаю, вынужденный сложившимися обстоятельствами.

– Не настолько он безумен, доктор Гирс, – генерал скривился улыбкой. – В Нижнеудинске наш бронепоезд и два батальона пехоты. Если русские нападут, то мы их раздавим. А пропустить эшелоны под русским флагом мы не можем, ибо с красными партизанами не воюем и потому соблюдаем негласное соглашение. Вследствие чего мы не можем пропустить и эшелоны

адмирала, их сразу захватят большевики. Эту ситуацию можно разрешить только с участием послов и новой русской власти, которая будет завтра...

Все собравшиеся за столом переглянулись – вариант везти золото под союзными флагами, но только с чешской охраной их устраивал больше, но говорить об этом было преждевременно, нужно терпеливо ожидать, когда созреет плод, вернее – обанкротившийся русский правитель.

– Все же мне нужно знать, что могут предпринять русские белые, тот же адмирал Колчак. Ведь он вчера произвел этого ужасного Семенова в генерал-лейтенанты, – Богдан Павлу задумчиво потер переносицу.

– Разрешите, пан генерал?

– Конечно, пан полковник.

Начальник военного контроля чехословацкого корпуса полковник Зайчек, отвечавший за деятельность разведки и контрразведки, медленно достал из нагрудного кармана френча листок бумаги.

– Я только что получил шифрованную телеграмму от нашей службы сообщений – в Верхнеудинск прибыл генерал Скипетров, помощник атамана Семенова, его правая рука. С ним несколько генералов, батальон пехоты Маньчжурского полка и три броневика. Русские что-то почувствовали и начинают принимать ответные меры. К сожалению, в Забайкалье у нас нет тех возможностей для работы, что здесь.

За Байкалом было зона ответственности Японии, а японцы уж очень не любили, когда кто-то из союзников залезал в их дела. И пресекали сразу, но мягко. А возможностей для этого у них намного больше, чем у чехов. Позиция Японии была важна, тем более в этом вопросе.

– А что японцы? – доктор Павлу высказал общий интерес всех собравшихся за столом чехов.

– Два эшелона пришли на станцию Верхнеудинска, – спокойно произнес полковник Зайчек, и словно мощная электрическая искра поразила его четверых собеседников. Все они разом вздрогнули и встревоженно переглянулись. И потому он сразу продолжил:

– Но вагоны пустые, следуют на Иркутск. В них только сопровождение для охраны, одна рота.

– Ух ты!

Вздых облегчения дружно вырвался у всех – если японцы вздумали остановить чехов и разрушить их планы, они легко бы это сделали.

– И каково ваше мнение, полковник Зайчек?

– Я думаю, что японцы что-то выведали, а в вагонах хотят вывезти из Иркутска побольше белых русских, – высказал свои соображения Зайчек и услышал, как полковник Крейчий тихо пробормотал под нос – «эти узкоглазые всегда что-то вынюхают». А потом уже громко обратился к генералу:

– Разрешите, пан генерал? Здесь у полковника Фукуды только две роты японцев на охране посла. А потому нападать на восставших русских солдат они не станут – Политцентр поддержат не меньше трех тысяч штыков. Перевес подавляющий, тем паче самураи знают, что мы вмешиваться не будем. У генерала Сычева в городе сил столько же, сколько у Политцентра в одном Знаменском предместье, и важно, что восставшие смогут легко перебросить туда войска, ибо на той стороне пароходов нет.

Командир 2-й дивизии полковник Крейчий сознательно не уточнил, у кого на самом деле пароходы, да и зачем, если все и так прекрасно знают. И потому продолжил:

– Что касается отряда генерала Скипетрова, то к Кругобайкальской дороге уже выдвигается батальон 27-го американского полка, и потому наши планы значительно упрощаются. Семеновцы подойдут к Иркутску не раньше тридцатого числа, но разбить повстанцев не смогут – Скипетров просто не наберет солдат. Что касается их бронепоездов, то это просто вагоны,

набитые шпалами. Наш «Орлик» в одиночку с ними легко справится. Тем более что здесь у нас достаточно сил – нарушение наших перевозок для Скипетрова обернется разгромом. Русский генерал прекрасно поймет, чем для него может обернуться неуважение к интересам корпуса...

Слюдянка

За два коротких часа, проведенных с комендантом штабного вагона, словоохотливым, но туго знающим службу старшим унтер-офицером Трофимом Платоновичем Огородниковым, Ермаков успел со многим «познакомиться» – начиная от матчасти вверенного Арчегу дивизиона бронепоездов и кончая краткими характеристиками офицеров.

Совершенно откровенно и почти безбоязненно заслуженный унтер (а три Георгиевских креста о многом говорили) поведал про офицеров бронепоездов не только в привычном для Ермакова ключе – типа как зовут, должность, и что от него ожидать приходится, но и в образных, совершенно емких выражениях.

Оно так, кстати, и бывает – ты о чем-то сном и духом не ведаешь, зато сержанты меж собой давно это обсуждают. И с тобой информацией щедро поделятся, если ты к их сердцу подход найдешь. Костя такой подход нашел, вот только как-то странно на него смотрел все время Трофим, шмыгал носом, к чему-то принюхиваясь, и недоумение не сходило с его лица...

Ермаков поправил портупейный ремень и, придерживая рукоять шашки в ладони, прошел по вагонному коридору, вышел в тамбур. Дверь вагона была открыта, и ротмистр неторопливо спустился по ступенькам на перрон, отметив про себя две вещи.

Во-первых: караульная служба поставлена просто отвратительно, и часовые продолжают греться у костра, не замечая непосредственное начальство. А во-вторых: шашка, пусть такая почетная, как у него, вещь совершенно бесполезная, только ходить мешает, и на бронепоездах, как и у матушки пехоты, должна быть упразднена за ненужностью, оставшись надлежащим оружием только для конницы. А как прикажете ей в броневагоне пользоваться? На крыше паровозный дым разгонять, крутя над головой подобно лопастям вентилятора?!

Караульные наконец узрели за спиной ротмистра, живо отпрянули от костра, сжали винтовки в руках. Ермаков подошел к ним, жадно вдыхая чистый морозный воздух.

– Я понимаю, что холодно, и два часа тяжело стоять на часах. Но службу нести надо бдительно, а потому, братцы, один по сторонам глазами зыркает, а второй у костра руки греет. И еще одно – проверяйте затворы. Если вы их щедро смазали, то мороз может прихватить, и тогда вы его не передрнете. Понятно?!

– Так точно, ваш бродь! – из-под накинутых башлыков вырвались клубки пара, но вот голоса были растерянные. И Ермаков опять осознал, что допустил очередную промашку – настоящий Арчegov себя вел с подчиненными, видимо, иначе, пренебрежительно и жестко.

Станция была изрядно заполнена эшелонами – теплушки, обшарпанные зеленые вагоны, платформы с наваленными грузами, углярки с высокими бортами, дважды на глаза попадались пузатенькие цистерны.

Ничего не поделаешь – эвакуация в самом разгаре, из Западной Сибири уезжают все, кто хоть как-то насолил коммунистам или просто боится их. А вот людей не было видно, да оно и понятно – дрыхли без задних ног, ведь предрассветный сон самый сладостный. И для диверсантов, кстати, самый желанный час.

– Сейчас осмотрим мои панцер зуги, – иронизируя с произношением на немецком языке, Ермаков чуть наклонил голову и пошел по перрону, преодолевая порывы разбитного байкальского ветра. – Бронепоезда есть наш самый главный довод.

Дошел быстро, минуты за две, по легкому морозцу. Да и куда идти, если все три бронепоезда вытянулись перед штабным эшелонам, который в бронечастях всегда «базой» именовали.

А как иначе – сидеть ночью в бронеплощадках мутрно и жутко холодно, вот на базе экипажи и отсыпались, и отъедались. Базовый поезд был один на весь дивизион из трех бро-

непоездов и состоял из двух дюжин или пассажирских вагонов, или переоборудованных под них теплушек.

На параллельной ветке, как уже знал Ермаков, были вытянуты еще три состава его дивизиона – десантный, с парой сотен пехотинцев и казаков; снабжения – вагоны с имуществом, кухней и продовольствием плюс ремонтная летучка для исправления повреждений пути или мостов или починки собственно бронепоездов. В общем, ему досталось большое и разнообразное хозяйство, с сильным боевым элементом...

– Ипическая сила, дистрофик с кувалдой и то сильнее!

Подойдя вплотную к своим крепостям на колесах, Константин был охвачен горьким чувством полнейшего разочарования. Сплошная импровизация, к тому же непродуманная.

Обычный паровоз и стандартные товарные вагоны были обшиты железным листом, а не броневыми плитами, к тому же прикрывались не полностью, а примерно на три четверти бортовой проекции.

Такая бронировка даже шрапнельный снаряд не удержит. Да что снаряд, обычными пулями такие борта пробиваться будут, правда, с короткой дистанции.

У ближнего к нему бронепоезда уже копошились люди, у двух дальних маячили одинокие фигурки часовых. Завидев идущего к ним ротмистра, солдаты прекратили возню, выпрямились, а навстречу к Ермакову шагнул офицер, четко откозырял, приложив рукавицу к папахе, и звонким молодым голосом доложил:

– Господин ротмистр! На вверенном мне бронепоезде никаких происшествий не случилось. Команда занята установкой новой печки и телефонной связи между бронеплощадками и тендером.

Последние слова были буквально выплюнуты как бы с обидой, но с нескрываемым торжеством и злорадством в голосе. Ермаков тут же нутром понял, что между этим капитаном и Арчевым произошла какая-то ссора.

А офицер ему понравился с первого взгляда, именно на таких офицерах все время держалась и русская, и советская армия, и сам Костя таким был.

Правильно отметил Огородников, что командир «Грозного» Белых «всей своею душою за дело радеет». Потому Ермаков приветливо и четко козырнул в ответ и с теплотой в голосе сказал:

– Вы молодец! Благодарю за ревностную службу!

И поразился реакции капитана – обида, гнев, ярость появились на лице за долю секунды, а потом тут же сменились недоумением, перешедшим в растерянность. Ермаков не стал дожидаться слов Белых и, кляня себя за непонимание всех этих сложностей взаимоотношений между ним и Арчевым, по прикрепленной к борту лестнице поднялся в вагон – и рассмеялся про себя.

Дополнительной защитой здесь служили шпалы, уложенные вдоль бортов до потолка и скрепленные между собой. Пулю они, конечно, удержат, тут он погорячился, но фугасный снаряд обрушит всю эту стенку на защитников, и шпалы просто передавят тех членов экипажа, кто уцелеет при взрыве. Потолок перекрыт обычной доской и обшит сверху тем же листовым железом.

Издавательство сплошное, а не крепость на колесах. Против партизан годится – у них пушек нет по определению, а вот против регулярной пехоты с артиллерией не выстоит и четверти часа.

Но это было только началом – когда дело дошло до рассмотрения вооружения, Ермаков просто взвыл. В наружном торце вагона была японская полевая пушка, в 75 миллиметров, с мудреным для русского восприятия названием – «Майдзура». С нее сняли колеса и установили на обычные деревянные полозья. Длинный ствол был выдвинут в широкую амбразуру, полметра на полметра, и потому стрелять она могла только прямо, по ходу движения.

Ермаков уселся на маленькое сиденье, заглянул в панораму наводчика, покрутил колеса горизонтальной и вертикальной наводки. Худо дело – сектор обстрела узкий, да оно и понятно – такой способ установки хуже тумбового, и тем более не сравним с башенным. Но ничего не поделаешь – конструкцию броневгона не исправишь за пару дней.

Но еще хуже то, что рядом с пушкой не установишь пулемет. А потому, если пехота вплотную подойдет, пиши пропало – закидают гранатами через амбразуры и сразу всем станет весело, как тараканам в зажженной духовке.

Вдоль бортов располагались полки с патронными и снаряжными ящиками. На них, судя по всему, сидели десантники и члены экипажа. В бортах, по четыре на каждый, небольшие бойницы для стрельбы из пулеметов, с которыми был полный разнобой.

Их было всего шесть, из них три русских «Максима», установленных в самодельные люльки, рядом крепилась коробка с патронами. Два английских «Льюиса» он признал сразу по толстым самоварным стволам – именно из такого пулемета крошил басмачей красноармеец Сухов в фильме «Белое солнце пустыни».

Третий пулемет был совершенно новым для Ермакова – ручной, грубой формы, с магазинным питанием. Костя взял в руки тяжелый магазин из коробки, по привычке надавил пальцем на выступающий патрон – тот неожиданно ушел вниз, можно было втиснуть еще три-четыре патрона. Пришлось недоуменно пожать плечами.

– Так это же «Шош», господин ротмистр. У него все магазины с дефектом, последние четыре патрона не выталкиваются пружиной.

– Да-да, конечно, я помню, капитан, – не моргнув глазом, солгал Ермаков и сразу направился в противоположный конец броневгона.

Внутри стало ощутимо светлее – из амбразур и щелей уже пробивалось утро. И теплее, намного теплее, чем снаружи. И понятно почему – в конце вагона топилась печка, типичная «буржуйка», прикрученная к полу. Единственным ее отличием был высокий, выступающий от плиты край, ведь во время движения вагона, с его качанием в разные стороны, с нее могло упасть что угодно.

– Сейчас под броней может находиться часть экипажа, что позволит усилить караул и держать вагон в постоянной боеготовности. И воду для пулеметов не придется носить с тендера – теперь она не замерзнет. А вот телефон, – Кузьмин протянул руку к подвешенной на стенке коробке.

– На тендере и носовом каземате такие же установлены?! – утвердительно спросил Ермаков, протянул руку, поднял крышку аппарата. Обычный армейский телефон, пусть и старой конструкции, с подобными он и раньше, в той еще жизни, сталкивался неоднократно.

– Да, господин ротмистр. На три телефона с кабелем и стальными трубками для бронирования я истратил все экономические суммы и отдал свои собственные часы с золотым маминим браслетом. Можете отдать меня под суд, как обещали раньше! – офицер бросил слова с вызовом, ноздри носа трепетали, раздуваемые еле подавляемым гневом.

– Мало чего я с дурика обещал, приношу свои извинения, – бросил Ермаков, а Белых поперхнулся, вытаращил глаза на ротмистра. И почему-то стал звучно принюхиваться, а недоумение на лице сменилось вскоре благожелательным пониманием, будто нашел офицер какую-то истину.

«Пил последнее время ротмистр Арчegov «в черную», – Ермаков удовлетворенно констатировал и еще «поблагодарил» Арчegovа за оставленную им для него, Ермакова, небольшую фору. – А потому изменение в поведении заметно для всех. Но то, может, и хорошо, во благо. Мое новое состояние и склероз все теперь спишут на полное и окончательное протрезвление. А на этом и надо сыграть».

– Петр Федорович, я все понимаю. Тумбовых морских орудий и броневой стали у нас нет по определению. Так?

– Так точно, господин ротмистр. Виноват...

– При чем здесь вы и я, капитан, – не «купился» на старый армейский прием Ермаков, – к проектированию и постройке сих броневи́ков мы не причастны. А раздобыть тумбовые пушки и броню даже для атамана Семенова неисполнимая задача. Но забронировать еще один вагон для десанта в наших силах, хотя оснастить его радиостанцией мы не сможем. Надо брусом на расклин стенки взять, чтоб при взрыве не обрушились. И люк в полу вагонов проделать, для экстренного выхода, если двери под пулеметным огнем окажутся. И на потолке башенный люк сделать, с наблюдательными щелями. И продумать надо – может, нам удастся пулеметные башенки, как на бронев автомобилях, сверху установить. С материалом прикинуть, – Ермаков задумчиво почесал переносицу и посмотрел на капитана. И увидел, как что-то уважительное промелькнуло в его глазах, и как снова тот впал в растерянность, но с интересом посмотрел на ротмистра.

– Сейчас же распоряжусь, и сегодня приступим к работам...

– Надо собрать пушки и пулеметы одного типа по бронеплощадкам, это в нашей компетенции. Хоть разнороб в питании патронами и снарядами не будет, или предпочитаете под огнем между бронепоездами таскать?

Растерянность на лице капитана молниеносно сменилась озлоблением, офицера аж затрясло от негодования:

– Так я вам, господин ротмистр, о том много раз говорил, а вы...

– Постойте, – прервал его гневную тираду Ермаков, – простите меня за мою затянувшуюся... скажем так, болезнь. Такое больше не повторится, даю вам слово чести. И у других жестко пресеку!

Протянутую Костей ладонь капитан крепко пожал, но взгляд был несколько очумелым. Но уже не приняхивался, сообразил, что с утра ротмистр не прикладывался к бутылке согласно старой кавалерийской традиции – кто с утра не пьян, тот не улан. А утренний холод и крепкий сон выбили из командира дивизиона следы неумеренного многодневного запоя, потому и взялся он за службу. И ретиво взялся, да с пониманием – недостатки сразу нашел, и не голословные, а настоящие, что в бою подвести могут.

– Начнем с чистого листа. А потому будем немедленно принимать меры для подготовки бронедивизиона к бою. Как вы знаете, мой помощник слег с тифом, а потому назначаю вас на его должность, своим помощником по строевой части. Принимайте все необходимые меры, но бронепоезда должны быть готовы к бою через сутки. Приказ я отдам сейчас же...

– Благодарю за доверие, господин ротмистр, – капитан упорно не желал переходить на доверительный тон. – Прошу подписать ассигновки и выдать золото на покупку шести телефонов, кабеля и трубок.

– У кого и где покупать будете?

– У американцев, – удивленно поднял брови капитан, – их вчера рота прибыла. Там у них интендант имуществом приторговывает, от телефонов до пулеметов. У него вагонов двадцать добра.

– На одну роту?! – спросил удивленный донельзя Ермаков.

Болтающиеся как бы не при делах американцы добавляли сейчас проблем. Янки, якобы соблюдающие нейтралитет и охраняющие по договоренности с правительством Колчака от диверсий железнодорожные пути на Кругобайкалке, на деле занимались вульгарным мародерством и грабежом местного населения. А еще они следили за японцами, чтобы те не захватили кусок больше, чем смогут проглотить.

Конечно, янки богаты, но ведь не настолько же, чтоб два десятка вагонов снаряжения, продовольствия и боеприпасов на две сотни харь направлять. Пусть вагоны хлипкие и нагружены наполовину, но и тогда по паре-тройке центнеров на солдатское рыло получается. Слишком жирно для обычной охраны.

– Так дня через три-четыре еще рота прибудет, а через неделю они сюда полный батальон переведут, вот и начали привозить снаряжение. Что с вами, Константин Иванович? Вам плохо? – Даже в сумраке Белых заметил, как побелело лицо Арчегова, и ротмистр буквально рухнул на полку.

«Так вона что, оказывается, было! Вот твари! Стоило Арчегову на Иркутск пойти, как за его спиной американцы тут же в туннели вошли! Конечно, охрана из ополченцев останавливать союзников не посмела. Какое уж тут минирование туннелей... Значит, Скипетров 30–31 декабря к Иркутску подошел, а это как раз неделя будет по сроку. Пока он там с чехами возился, американцы в туннелях захлопнули мышеловку! То есть, если бы бронепоезда чудом отбились от чехов, может быть, даже приняли бы под свою охрану литерные эшелоны с Колчаком, то их в туннелях ждали бы американские пушки! О Боже! Выходит, союзники не только все заранее знают, но уже и меры предприняли... Или они сами все это запланировали?! – по лицу ротмистра ручьем потек пот, ему стало безумно жарко в этом холодном вагоне. – Но самое главное, я тоже сейчас оказался между молотом и наковальней – впереди чешские бронепоезда, настоящие, не мои консервные банки, а за спиной в любой момент туннели могут занять американцы. Вот и крутись тут как хочешь! Как прикажете поступить? Разорваться на два фронта я не могу! Нужно решать! Делать выбор и именно сейчас: по кому ударить первым – по чехам или по американцам. От этого зависит все! Нужно выбрать, кто сейчас важнее...»

– Вам плохо, Константин Иванович? – Белых потряс его за плечо.

– Всем нам плохо будет, и очень скоро, – Ермаков все же взял себя в руки и, отталкиваясь от черных мыслей, спросил: – И почему у него добро?

– Я купил телефоны за 300 рублей золотом, плюс браслет и часы. Пулемет предлагал за 900, винтовку за 40, патроны за ящик в тысячу штук в полторы сотни оценивает. А ведь атаман Семенов ассигновал нашему отряду более сорока тысяч золотом...

– Я понял. Купите телефоны, пару пулеметов, три десятка патронных ящиков. И гранат ручных купите сотню, пяток биноклей. Американцы бизнес любят. Да, вот еще. Браслет и часы выкупите по двойной цене, это приказ, – Ермаков тяжело вздохнул: ситуация резко ухудшалась.

– Боюсь, Константин Иванович, он не продаст столько. Телефонов у него в достатке, это сам видел. А насчет такого количества оружия не уверен.

– Покупайте все, что есть. И еще – через час у меня быть, с командирами бронепоездов, начштабом и интендантом. Есть ряд вопросов...

Иркутск

Вы никогда не читали штабных документов? Вы тогда многое потеряли. Политикам надо чаще читать военные документы, тогда они смогли бы навсегда избавиться от глупостей.

Ну разве где додумаются до таких словесных оборотов – не отступление, а «тактический маневр, приведший к растягиванию коммуникаций противника».

Или, скажем, паническое бегство. Нет, ни один генерал так не напишет, хоть даже его войска, как очумевшее стадо баранов, промчалось бы прямо перед его глазами. Запись будет следующей – «отход войск проведен заблаговременно, в полном порядке. Однако, ввиду отсутствия дорог, войска лишились части тяжелого вооружения». Построено по всем правилам логики – ведь 99 % это же не целое, а только часть.

Или потерял ты в бессмысленной атаке 39 солдат, а в рапорте командир батальона укажет, что потери составили свыше 30 бойцов. А если не выручил из беды окруженный взвод, и парни все там зазря погибли? Вы скажете – предательство?! А вот уж нет – в рапорте укажут: «выбрано оптимально правильное решение».

А требования к интендантам о выдаче всего нужного? Это самое важное – достаточно почитать рапорта, и ты сразу поймешь суть – смогут ли воевать войска или нет. Штатские считают, что главное – героизм, и ошибаются – войну решает работа службы тыла...

Генерал-майор Сычев пыхтел папиросой, прихлебывал из стакана и матерился – за двадцать лет службы ничего не меняется, любая бумага должна вылежаться под сукном.

Если интендантство отказывает, то писать рапорт надо не коменданту города, а по командованию, вплоть до окружного, а то все эти его «ходатайствую по существу рапорта» как мертвому припарки.

А картина мрачная – 53-му Сибирскому полку требуется 365 новых шинелей, и отремонтировать, зашить и залатать еще 42 полушубка и 412 шинелей. Для полка вроде бы немного, вот только полк некомплектный – 1100 солдат при 44 офицерах. То есть из пяти солдат четверо худо одеты или не одеты совсем, а на улице не май месяц. Оба батальона полка в Глазково стоят и восстанут к вечеру как пить дать.

На той стороне Ангары дислоцирована еще Иркутская местная бригада – одним батальоном (700 солдат при 12 офицерах) в Военном городке, а вторым (625 солдат при 25 офицерах) на станции Иннокентьевской. И какие они там склады охраняют, если для караульных требуется 216 тулупов или полушубков, не в шинельках же ночью морозиться. Да еще стекла требуются, чтоб в окна казарм вставить.

И тут Ефима Георгиевича основательно передернуло – да что же делается, солдаты морозятся, а у генералов нет решимости стекла в городе конфисковать, ведь только у него в комнате можно одно окно заколотить и матрасом утеплить. А это две рамы, окно же двойное. Тут никаких большевистских агитаторов не нужно – раздетые и разутые солдаты, которых битком забили в холодные казармы, сами по себе восстанут. И будут правы...

Сычев встал из-за стола и подошел к окну – ледяное стекло остудило горячую голову. Он вздохнул и снова сел за стол, закулив очередную папиросу. От табака в горле уже першило, перед глазами мутило. Перевернул листы документов чисто механически, их содержимое он чуть ли не выучил, и принялся размышлять...

В городе штаб 4-й Сибирской стрелковой бригады, при нем 2-я Иркутская казачья сотня есаула Петелина и комендантская команда в 200 штыков, занятая охраной правительства, что в Русско-азиатском банке сейчас заседает. В бригаде есть мятежный 53-й полк, оставшиеся ошметки в сотню штыков 54-го полка на охране тюрьмы плюс егерский батальон (515 солдат при 27 офицерах), что сейчас восстание в Александровском центре подавляет.

Единственной реальной силой в городе являются три военно-учебных заведения. Оренбургское казачье училище, казармы которого на Первушиной горе, имеет 400 юнкеров и офицеров, и главное – две трехдюймовых пушки (правда, только одну орудийную запряжку).

Иркутское военное училище чуть меньше – почти три сотни юнкеров и офицеров, зато располагается почти под рукой, рядышком, у Харлампиевской церкви. А при училище есть унтер-офицерская школа, именуемая Инструкторским полком, – до 500 солдат и полсотни офицеров.

Один батальон в две роты, собственно, в здании военного училища, а второй, аналогичного состава, в Хаминовской мужской гимназии. В каждом из училищ еще имеются несколько десятков солдат из obsługi, но их можно не учитывать – к бою нестроевые совершенно не пригодны, дай бог свои казармы от мародеров сберегут.

И казаки в городе есть, эти сволочные иркутские казаки, что его приказы летом игнорировать вздумали. Но к ним обращаться он не будет – у атамана Оглоблина силенок маловато, в городе только 2-я сотня, учебная и нестроевая команды.

Две сотни полка дерутся сейчас под Канском, что в Енисейской губернии, а 4-ю сотню «прессуют» эсеры и партизаны в Балаганске. Так что от казаков реальной помощи он не получит, а потому за прошлое унижаться не станет. Да и не к лицу ему, гвардейцу, перед Оглоблиным извиняться! Пусть дальше свара идет...

Одно утешает – у заговорщиков на их берегу Ангары сил чуть меньше. У губернатора Яковлева, сукиного эсера, в Знаменском предместье вооруженный до зубов отряд особого назначения расквартирован – почти полтысячи штыков.

Плюс три сотни милиционеров ему тоже подчинены. Да второй батальон Инструкторского полка может предать, морды там доверия не вызывают. И рабочие дружины в полтысячи штыков каждая эсеры и большевики организовать могут, агитация чуть ли не открыто идет – одну в Глазково из железнодорожников, а другую в Знаменском из рабочих, что хуже.

В Иркутске давно варится каша из разношерстной сволочи. И эсеровский Политцентр, и сборную солянку из различного пошиба социалистов и маргиналов – всех их, была бы его воля, давно уже надо было поставить к стенке...

Слава богу, хоть в Иркутске удалось не допустить откровенных уж погромов и бесчинств. А то мирные мещане очень быстро достают припрятанные до поры до времени винтовочки.

А среди толпы как рыбы в воде чувствуют себя клятые агитаторы, революция девятьсот пятого года, да и семнадцатый это хорошо показал, слетаются как мухи на свежий навоз.

Много, уж очень много этих мух в городе развелось, сидят, ждут случая. А вот попробуй, тронь только их! Сразу вой подымут, колчаковским прихвостнем назовут, местным диктатором, поди ж ты, окрестят!

Да ладно бы просто сидели, болтали бы, языки чесали! Так нет, плетут, плетут уже полгода заговор, мятеж готовят. Создали Народно-Революционную Армию, возглавляемую штабс-капитаном Калашниковым. Воинство, достойное самого Политцентра. Собрали весь балласт, болтающийся в тылу: интендантская и штабная сволочь, держащая нос по ветру, офицеры колчаковской выпечки, которые из прапорщиков да в штабсы.

И командующего господи, или, прикажете сказать, уже товарищи Линдберг, Федорович, Зицерман подобрали подходящего. Такой же бывший прапорщик, неизвестно за какие заслуги одаренный то ли Колчаком, то ли еще в семнадцатом году Временным правительством офицерскими погонами. Только слово «армия»! «Ополчение» – и то было бы слишком громким названием для нескольких тысяч человек, больше похожих на сборище проходимцев.

Ну да ничего! Они сами наступят на свои же грабли! Разболтанные и анархистски настроенные черемховские шахтеры добавят только сумбур в ряды их бойцов, а потому пользы от них Политцентру не будет никакой, только голимый вред.

Запасные солдаты категорически не желали воевать у Колчака. Я их не смог толком отмотилизовать. Они и не дезертировали только потому, что бежать на своих двоих слишком далеко. Ведь до Алтая и Урала, откуда их призвали, по железной дороге ходу уже нет.

Пусть Калашников с ними помучается! Да и мне спокойнее: у меня смутьянов поубавится.

В том-то и беда, что сам по себе, без поддержки чехов, Политцентр мог сколько угодно пускать интеллигентские сопли и призывать к мятежу. Вся их болтовня сводилась бы к тому, что, как говорится, собака лает – ветер носит. Как уже было раньше, господа-агитаторы лихо уносили ноги, лишь завидев блеск казачьих шашек. Покончить с Политцентром отряды Семёнова, спешащие на помощь из Забайкалья, смогли бы без особых проблем, но куда деть чехов? Чехи, чтоб им провалиться, вот кто дергает за веревки эсеровских марионеток...

Сычев прихлебнул из стакана водки и, положив ладони на стол, сжал пальцы в кулаки – дело становилось все страшней и страшней. Нemoщность своих сил его угнетала – рассчитывать он мог, при самом благоприятном раскладе (удержав в повиновении 2-й батальон Инструкторского полка и егерский батальон из Александровского центра), всего лишь на две тысячи штыков, три сотни шашек (с учетом конных юнкеров из Оренбургского училища) и два орудия.

А вот супротивников было больше – в Знаменском свыше тысячи двухсот штыков, включая милицию, а на левом берегу Ангары до трех тысяч мятежных штыков. Однако ни он в

Глазково, ни восставшие оттуда не смогут перебраться – ледоход сорвал понтон, а все курсирующие пароходы в руках чехов...

Чехи! Вот оно – проклятье на его голову. Разоружить Глазково не удастся, даже если отправить туда всех юнкеров. Союзнички, мать их за ногу, не дадут! Сами разоружают юнкеров, у них на вокзале два бронепоезда и тысячи две солдат, и за Иркутным мостом столько же. А так поступят, потому что в Черемхово их повстанцы за глотку взяли, а уголек чехам позарез нужен, без него 20 тысяч вагонов награбленного в России барахла не вывезешь...

Генерал встал и в отчаянии прошелся по комнате, внутри все клокотало от бешенства и водки. Пусть удалось его начальнику контрразведки штабс-капитану Черепанову арестовать сегодня всю головку Политцентра на Иерусалимской улице, но это только чуть отсрочит восстание, ибо остальные руководители спрятались в Глазково, под крылышком «демократических» союзников.

А чехи не только им помогут, они могут погромить город из пушек, если этого захочет Политцентр. И даже думать не станут – за уголек, за барахло, за шкуры свои, чтоб в сохранности их сохранить, они на любое соглашение с большевиками и эсерами пойдут. И ничего сделать нельзя...

Слюдянка

– И как прикажете, господин ротмистр, именовать мой бронепоезд после этой «перепрядки»? «Беспощадный Атаман»?! – подьесаул Гордеев пылал праведным гневом. Ермаков его прекрасно понимал – отдать отремонтированную бронеплощадку, вооруженную новенькой «Майдзурой», а взамен получить с «Атамана» плохенький броневагон с русской трехдюймовой, в которой ствол уже почти расстрелян. В дополнение к слабой горной пушке, в то время как на других бронепоездах будут по два новых японских орудия. Если бы кто так с ним обменялся, то Костю жаба сразу бы задавила...

– И почему все эти дрянные «Сен-Этьены», что на морозе не стреляют, вы нам спихиваете, отбирая наши надежные «Максимы»? У меня их и так только четыре...

– А будет двенадцать «французов». Более чем достаточно. В вагонах зато есть печи, так что со стрельбой все в порядке будет.

– А если мне десант высаживать придется? Оставьте мне хотя бы пару «Льюисов»! – подьесаул Михаил Гордеев чуть сбавил обороты, надеясь выцыганить ручные пулеметы.

– Не придется, Михаил Николаевич. У вас десантников теперь не будет, распределяю их по другим бронепоездам. И задача будет совсем иная...

В штабном купе, составленном из двух в результате разрушения внутренней перегородки, воцарилось молчание. Шестеро офицеров буквально вперились взорами в своего начальника. Ермаков положил ладони на стол и медленно обвел их взглядом.

Черноволосый, коренастый, бравого вида, как в лучших советских кинофильмах, поручик Павел Мичурин, командир «Атамана», молча сидел у окна. Лицо у него было довольное, как у кота, только что обожравшегося вожденной сметаной.

А как же – скинуть все худое оружие соседу, а взамен получить от него все лучшее – чего ж протестовать-то. Наоборот, лучше помолчать в тряпочку, молиться, чтоб командир снова в запой не ушел. Трезвый он и разумен, и офицер офицером, но как напьется...

В Костином мозгу всплыла краткая характеристика от унтера Огородникова – «сей офицер и храбр, и командой любим, но вас, Константин Иванович, шибко не любит и в опаске завсегда держится».

Сидевший рядом с ним командир бронепоезда «Беспощадного» подьесаул Гордеев кривил губы – ну надо же, казак казака грабанул среди бела дня. И как его понимать дальше – протрезвел ротмистр и сразу «сугубым зверем» стал (так в кавалерийских училищах звали юнкеров старшего курса, что устраивали молодым собратьям «цук» – аналог дедовщины в советской или современной Российской армии).

Ермаков улыбнулся – Гордеев ему нравился, «храбр до отчаяния», но имел один, весьма специфический, свойственный почти всем казакам недостаток – «к чужому добру охулки на руку совершенно не кладет». На последнее качество и надеялся новоявленный ротмистр – позже поймет командирское решение и спишет на казачью сущность Арчегова. А, значит, простит.

Рядом расположился капитан Белых, новоявленный помощник и командир «Грозного» по совместительству. И всем своим видом показывал полную лояльность к командирским начинаниям, что несколько напрягало Константина, помнившего утреннюю встречу. И отчего же капитан так быстро перековался – этот вопрос постоянно крутился в голове.

– Ну что ж, с перевооружением и переоборудованием бронепоездов мы решили, – подвел итог Ермаков и повернулся в левую сторону, потому что сам сидел на привинченном к полу стулу, между окнами.

Там, на полке, расположились два подполковника, Наумов и Воронин, оба уже довольно пожилые, далеко за сорок, интендант и начальник инженерно-ремонтной службы. Рядышком с ними примостился молодой штабс-капитан Кузьмин, занимавший должность начальника штаба дивизиона.

Интендант, полный, с брюшком и бегающими глазками, Ермакову сразу не понравился, и ночная характеристика сержанта была убийственной – «команды боится, а генералу наущничает». Пузан и здесь попытался качать права, еще бы, старше по чину своего командира, и на деньгах сидит, но Костя жестко пресек эти поползновения, чем вызвал довольные улыбки собравшихся офицеров. Они явно недолюбливали своего «каптенармуса».

Второй подполковник являлся полным антиподом первому – сухой, с болезненным лицом, он только кричал от свалившейся на его голову лавины срочных дел.

Предложенное переоборудование не только выходило за рамки его возможностей, но жестко лимитировалось сроками – на все про все ему отпускалось только 48 часов. И сейчас Воронин сидел, словно на иголках, раз шесть поглядев на наручные часы.

– Вы свободны, господа, – Ермаков правильно понял взгляды Воронина и решил отпустить подполковников. – С начальником штаба и командирами бронепоездов мы еще задержимся, обсудим некоторые вопросы.

Наумов и Воронин тут же встали с полки и, щелкнув каблуками сапог, удалились. Штабс-капитан тут же устроился на освободившемся месте комфортнее, и Ермаков припомнил – «в бою весьма скромн, строя опасается, но за бумагой усидчив».

«Комфорт очень любит, – сделал зарубку в памяти Ермаков, – такие годны только для штабной работы... Если умны. Но приступим к главному – мои господа офицеры должны научиться думать собственной головой, дабы самостоятельно принимать решения».

– Как вы думаете, господа, займут ли американцы Култук, когда мы уйдем в Порт Байкал? А когда мы пойдем на Иркутск, что тогда будут делать наши союзники?

– И думать нечего, Константин Иванович, – скривил губы нехорошей улыбкой поручик Мичурин. – Они займут всю Кругобайкальскую дорогу, к которой давно руки тянут.

Капитан Белых и подъесаул Гордеев угрюмо переглянулись – они были полностью согласны с мнением поручика.

– А потому Михаил Николаевич останется в Култуке со своим «Беспощадным». Надеюсь, это хоть как-то вразумит американцев. Пушек у них нет, а вам, подъесаул, и старых трехдюймовок хватит для подтверждения своих доводов. Тем более для них снарядов не так много. А случись под Иркутском тяжелый бой?

– С чего вы взяли, Константин Иванович? – вслух спросил один Гордеев, но три других офицера были с ним полностью согласны и как-то тревожно посмотрели на ротмистра. И взгляд у всех такой нехороший – будто в белой горячке подозревали.

– А с того, господа, что время на разговоры истекло. Сегодня в Иркутске эсеры и большевики начнут восстание и займут Глазково и Знаменское. А за их спиной стоят чехи, которым хочется убраться с нашим добром. Теперь догадываетесь, почему американцы к туннелям подбираются?

– Чтобы мы их не взорвали! – гневно выдохнул Мичурин, блестя глазами.

Странно, но Ермаков был удивлен, что не стали теребить с вопросами об источнике его информированности. Видно, что напряжение этих последних дней, связанное с катастрофой белой армии и предательскими действиями союзников, уже овладело умами многих и затронуло офицеров бронедивизиона.

– Я думаю, господа, что стоит чехам или американцам занять все туннели Кругобайкальской дороги, и они сразу приберут к рукам литерные эшелоны адмирала Колчака. Потому что у нас не останется на них никаких способов воздействия, – неожиданно тихо сказал Кузьмин, и Ермаков невольно вздрогнул – начальник штаба обладал даром предвидеть развитие ситуации.

– Но приказ атамана выполнять надо, а, следовательно, два бронепоезда на Иркутск пойдут. Так, Константин Иванович? – голос Белых был спокоен. – А если мы потерпим поражение? У них один «Орлик» сильнее нашего отряда. Что тогда мы сможем предпринять? Ведь мы окажемся между молотом и наковальней – спереди чехи, а сзади американцы.

– Я думаю, – Ермаков обвел тяжелым взглядом офицеров, – устроить в одном туннеле крушение двух бронепоездов, а в третий поезд сгрузим все снаряды и рванем в другом туннеле...

– А что будет с нашими командами, со всеми нами?! – чуть возмущенно прошипел Мичурин.

– А ледокол «Ангара» на что?! – спокойно бросил Ермаков. – Мы с ними воевать не собираемся, но если они предательски нападут, тогда взорвем туннели и плывем в Мысовую. И ледокол им не отдадим – пусть пешком по неокрепшему льду идут через Байкал или вокруг по горам кругаря нарезают. А в Забайкалье мы с ними сочтемся...

Воцарилось молчание – офицеры дружно переваривали предложение командира, и Ермаков видел, что они его одобряют. Но в то же время очень не хотят столкновения с чехами – воевать с союзниками всегда сложно. И потому решил не отвлекать их от таких размышлений, а перевести на повседневный уровень, пусть сами потихоньку доходят до нужного мнения.

– Закончим, господа, на этом. Займемся делами, времени уже в обрез, а сделать предстоит много...

Ермаков отхлебнул из стакана горячего чая – от чудовищной усталости его покачивало, уже половина суток прошла, как он очутился в чужой шкуре. За эти долгие часы он не съел ни крошки пищи, если не считать замерзшего огурца с салом – кусок в горло не лез, да и с души воротило. Костя прислонил гудящую голову к прохладной стене и смежил веки – остается только ждать. Ждать и догонять – вот два состояния, которые он ненавидел, но они закаляют душу военного. Мысли в голове стали ползти тихо и медленно, как обкуранные черепахи, и он не заметил, что уснул...

– Горим! Суки...

– Вылазь, ребята, поджаримся! – старший сержант Ермаков толкнул изо всех сил люк. Проклятая банка, выйти можно только через крышу, а по ней весело лупшуют сейчас «духи» из всех стволов, пули так и молотят по тонкой броне, как крупный град по шиферу старого дачного домика. По слухам, сейчас поступают новые БТР-80 с боковыми дверцами, но до Афганистана они еще не дошли.

Что дело хреново, Костя понял сразу, но им повезло несказанно – из РПГ попали в моторное, если бы к ним, то вознеслись бы на небеса. Люки-то закрыли, а это амба всему экипажу БТР-70. Да и ребяташки не растерялись – захлебывается судорожным кашлем башенный КПВТ, горячие тяжелые гильзы со стуком падают на днище, с бойниц огрызаются из автома-

тов, не жалея патронов. Но скоро прибежит полярная лисица – дышать нечем, черный дым выедаёт глаза, и самое страшное – хэбэхи на солдатах тлеть начали, да что тлеть – припекает уже как на сковородке в одном очень неласковом для грешника месте.

Но десантироваться с горящего бронетранспортера им не дали, прошли из пулемета, и ефрейтор, молодой улыбочивый парень, мешком свалился внутрь – пули так изрешетили каску, что брызги мозга окатили лицо капитана. Стрелок-татарин просто привалился, и Костя, схватив мертвого парня за ноги, стащил тело в горящее чрево БТРа.

– Наверх, парни, здесь так и так нам хана, а там хоть шанс есть! – прокричал он и в ярости рванулся наружу – огонь добрался и до него. Ноги вопили от боли, и он почувствовал, как пламя обдало его мужское «достоинство». Это придало ему сил, и Костя рванулся...

– Твою мать! – Ермаков очнулся от короткого сна. Так и есть, это был не Афган, а купе ротмистра Арчегова. Явь оказалась только сном... И самой доподлинной правдой. стакан горячего чая лежал пустой на полу – зато ширинка штанов была мокрее мокрого.

Слава богу, что кипяток, а не пламя, ведь тогда врачи в госпитале каким-то чудом сохранили его мужское естество, а ожог не помешал позднее пройти медкомиссию, где просто не поглядели пристально ему под трусы, и поступить в Рязанское училище ВДВ. И сон в руку оказался, напоминанием о том страшном дне, в котором тогда еще молодой старший сержант срочной службы Ермаков выжил... Единственный...

Костя вытер полотенцем мокрое безобразие, хорошо, что ткань темно-синяя, не видно. А то что подчиненные подумают... И усмехнулся – первый раз в жизни со стаканом горячего чая в руке уснул. С сигаретой бывало, но с чаем?!

И странное дело – усталость резко уменьшилась, сил прибавило, а голова перестала болеть. Косте очень сильно захотелось перекусить. Вот только где сейчас поесть?

В дверь тихо постучали, вернее – поскреблись. Ермаков громко сказал:

– Войдите.

В купе осторожно зашел Аким, ординарец, или по-старому денщик, типичный сибирский мужичок с хитринкой в глазах – в руках то ли поднос с высокими краями, то ли коробка с низкими бортами, белым вафельным полотенцем накрытая.

– Я тут поснедать вам принес, Константин Иванович. А то вы не позавтракавши, и на обед, как всегда, не пошли. Не побрезгуйте, что с солдатского котла, повар не жадничал, наварил много.

Солдат поставил коробку на стол, быстро выгрузил из нее снедь. Костя умилился – на него пахнуло родимой Советской армией. Железная миска со «шрапнелью» (так называют в обиходе перловую кашу, впрочем, именуют ее и «резиновой»), но не пустой, а с кусочками мяса и с подливой. Тут же колечки репчатого лука, плавающие в чашке с уксусом – этот характерный запах ни с чем не спутаешь. Толстые ломти хлеба разложены на типичной тарелке. На десерт – копченый толстый омуль с золотой корочкой, крепкий чай с колотым сахаром вприкуску и большой кусок калача с маслом.

– Благодарствую, Аким, угодил, – денщик с удивлением посмотрел на ротмистра, чуть поклонился, забрал коробку и вышел из купе.

Ермаков привычно прочитал молитву, перекрестился. И неторопливо принялся за неприхотливый ужин, мысленно сделав в памяти зарубку, что солдат здесь кормят неплохо, несмотря на военное время, гораздо лучше, чем стрелков его роты в мирное время, перед отправкой в Афганистан.

А вот с вещевым довольствием худо, да и разноразный, за исключением казачьих подразделений. Изредка встречается униформа российской императорской армии, и то в основном на офицерах, есть японская и французская форма, но чаще всего попадает на глаза английское обмундирование. Именно в него был облачен его денщик. Не армия, а Ноев ковчег какой-то, ведь даже в погонах единообразия нет...

Глазково

– Гражданин командующий Народно-революционной армией, – услышав столь торжественное обращение, штабс-капитан Калашников поморщился. Хотя в душе чувствовал, что слова эти были ему приятны. Но надо держать марку «демократически» назначенного командующего. Пока без армии...

– Не торопите события и, пожалуйста, оставьте титулование. Пока оно неуместно, гражданин поручик. Что происходит в городе? – вопрос Калашникова не застал начальника штаба НРА поручика Зоркина врасплох. Он тут же достал из кармана френча две бумажки.

– Эти воззвания колчаковского правительства распространялись сегодня по городу. Тут написано для офицеров и солдат гарнизона следующее: «Кому могут быть полезны сейчас восстания, кроме как большевикам? Неужели вы, как Иуда, предадите тех несчастных, измученных страдальцев, которые еще борются с большевиками? Нет, вы не окажетесь изменниками! Не сегодня завтра придут силы с Востока, которые помогут вам защитить порядок, спасут нас всех от большевизма и от голода. Помните, что хлеб сейчас идет только с Востока»...

– Это больше похоже на уговоры невинной девушки стареющим импотентом, – презрительно хмыкнул Калашников. – Вот только к солдатам и населению так не обращаются, размазав сопли.

Штабс-капитан знал, о чем говорил. Он, старый член партии эсеров, уже долго служил в армии и даже был помощником по политчасти у генерала Гайды, чье выступление во Владивостоке месяц назад было подавлено колчаковскими войсками. Но сейчас восстание против Колчака партия начинает повсеместно, и этот реакционер будет безжалостно выброшен на свалку истории. А они будут поддержаны населением и под флагом свободы и демократии не допустят власти узурпаторов-большевиков...

– Там далее для мирного населения написано более определенно, – мечтания Калашникова были прерваны Зоркиным самым безжалостным образом. И штабс-капитан вернулся с небес на землю.

– «Правительство, призывая население к полному спокойствию и подчинению закону и власти, к поддержанию порядка и исполнению долга перед родиной и армией, твердо заявляет, что с настоящего момента всякие попытки сопротивления законной власти будут решительно подавляться. Правительство располагает достаточной силой, чтобы прекратить смуту и обеспечить порядок. Идущие с Востока сильные подкрепления раз и навсегда положат конец подобным выступлениям», – излишне громко произнес последние слова поручик.

– Атаман Семенов действительно двинул на Иркутск большие подкрепления? Что сообщили в последние часы наши чешские союзники? – хоть и говорил штабс-капитан нарочито спокойным голосом, но в нем Зоркин услышал скрываемые нотки страха. И было чего бояться – Семенов не склонен к компромиссам и способен устроить всем демократическим элементам в Иркутске кровавую резню.

– Начальник штаба 2-й дивизии подполковник Бирюля час назад сообщил мне, что на станцию Слюдянка прибыл дивизион бронепоездов ротмистра Арчегова. Его броневики не опасны – блиндированы шпалами, но имеют шесть пушек. Пехоты всего одна рота, плюс сотня спешенных казаков. Судя по всему, уходил из Верхнеудинска в большой спешке, прихватив по пути какие-то учебные команды.

– И что они сейчас делают?

– Стоят на станции. Самогон жрут, а их ротмистр пьяный шатается по вокзалу да орет, что весь Иркутск погромит из пушек.

– У чехов всегда точная информация, стоит верить, – задумчиво потер переносицу Калашников. Это была единственная приятная новость в сплошной череде печальных сообщений, приходивших с правого берега Ангары. Там было худо – контрразведка арестовала в

городе три четверти членов Политцентра, и судьба их могла оказаться трагической. И потому надо было срочно принимать предупредительные меры.

– Вот что, поручик. Сразу после выступления полка проведите аресты наиболее влиятельных чиновников правительства, что сейчас в Глазково. Это крайне необходимо для пресечения репрессий.

– Есть, – начальник штаба наклонил голову, соглашаясь. Заложники были необходимой мерой, особенно на случай непредвиденных обстоятельств. В отличие от штабс-капитана, Зоркин обладал изрядным скепсисом по отношению к чешским войскам. Он понимал, что, если последним будет выгодно, они предадут Политцентр так же спокойно, как уже предали и адмирала Колчака, и его никудышное правительство.

И теперь нужно взять власть в свои руки – уже давно разagitированный 53-й полк готов к выступлению. «Война гражданской войне» – этот лозунг партии нашел самый живейший отклик среди военных. Три тысячи солдат, свыше сотни офицеров – все части по эту сторону Ангары станут надежной опорой Политцентра...

Дверь хлопнула, Калашников и Зоркин обернулись к вошедшим – так и есть, пришли члены Политцентра Линдберг и Мерхелев. Пальто были припорошены снежком, щеки покраснелись от мороза.

– Здравствуйте, граждане! – поприветствовал военных Линдберг.

– Добрый вечер, Марк Яковлевич, – Калашников поднялся со стула.

– Когда выступаем?

– Сейчас же! Все готово, – штабс-капитан стал надевать шинель, следом стал облачаться в полушубок поручик. Нахлобучив папаху и застегнув ремни портупей, Калашников обратился к Мерхелеву:

– Мы с вами пойдем прямо в казарму первого батальона, а Марк Яковлевич с поручиком будут агитировать второй батальон. Команды разведчиков и пулеметчиков уже готовы, ими арестованы лояльные к правительству офицеры. Ну что, граждане, пошли...

Слудянка

– Сэр, эти русские занимаются мартышкиным трудом. Зачем белить свои листовые вагоны, если черный паровозный дым за две мили видно...

– Видно-то видно, Гарри, но пристрелку по корпусам собьет, а это для них шанс на спасение при бегстве. Именно на это и надеется этот русский капитан, который сегодня выглядит, к моему великому удивлению, трезвым.

– Эти казаки дикари, варвары. По-моему, вонючая водка – единственный напиток в их жизни, сэр.

– Вы еще недолго в этой холодной Сибири, Радклиф. А потому принимаете за водку этот пакостный мутный самогон. А водка другая и бывает довольно приличная, хотя наше виски намного лучше...

«Дерьмо ваше виски, ослиная моча», – Ермаков злился втихую, слушая разговор двух американских офицеров, что в добротных меховых куртках и шапках стояли на перроне, не обращая на него внимания. Что в начале века, что потом, в его конце, они были сытые, довольные, уверенные в себе, с легким презрением к окружавшим их аборигенам.

– Скукота здесь страшная, варварская страна. Хоть бы «малыша Билли» вызвал бы кто-нибудь из русских на бокс, было бы занятное зрелище.

– Не мечтайте, Гарри. Эти парни не дураки и уже сделали выводы. Двух наглядных уроков оказалось для них с избытком. Вспомните, как «малыш» разделал под орех того казака...

– Извините, сэр, могу я вас попросить показать мне вашего знаменитого «малыша Билли», – на беглом английском, спасибо углубленному языковому курсу в спеццентре ГРУ, обратился к ним Ермаков, подойдя на несколько шагов.

– Конечно, сэр, – старший офицер с двумя серебристыми прямоугольниками капитана на погонах, услышав английскую речь в устах русского ротмистра, тут же повернулся к нему лицом – ни тени недовольствия, широкая, а-ля Карнеги, улыбка.

Второй, с золотистым прямоугольником второго лейтенанта, захлопал ресницами – ни дать ни взять, только что оперившийся птенец Вест-Пойнта. Но понтов уже выше крыши.

– Позвольте представиться – командир роты В первого батальона 27-го полка армии САСШ капитан Джон Смит, а это мой взводный лейтенант Гарри Радклиф. Ваш английский превосходен, сэр. Позвольте выразить свое восхищение вашим прекрасным произношением, так говорят только на юге нашей страны.

– Ротмистр Константин Арчegov, – Ермаков четко козырнул, – командир дивизиона броневых поездов. А язык я выучил в вашей прекрасной стране, где жил некоторое время. Это было еще до великой войны...

– Какое хорошее было время, – мечтательно произнес капитан, но тут же оживился. – А вот и «малыш Билли». Ко мне, сержант!

Ермаков живо обернулся и обомлел, в животе неприятно заурчало. К ним вразвалку подошел откормленный «терминатор», выше ротмистра на голову, вдвое шире в плечах, а кулаки были размером с небольшой арбуз. По крайней мере, так ему показалось.

– Билли, русский офицер слышит о вас и желает сыграть с вами партию бокса, – услышав слова капитана, Ермаков задохнулся от гнева.

«Ну и сука, издеваешься, падла?! Ведь если я сейчас задний ход дам, ты с улыбочкой скажешь, что неправильно меня понял. И всласть насладишься моим унижением – мол, какие же трусы эти русские офицеры. Не дождетесь, сучары, я вас сейчас сам ошарашу. Надолго запомните урок!» – мысли летели галопом, вместо страха пришла ярость, и Ермаков внезапно осознал, что эта драка ему крайне необходима.

Вот только сейчас он не в теле молодого лейтенанта ВДВ, а в ротмистре Арчегове, что понятия не имел о долгих тренировках. А потому, признался он себе честно, шансов на победу было до прискорбия мало. Практически не было...

– Сэр?! – в утробном голосе сержанта Ермакову послышалось: «Ты в своем уме?» – Я вешу 320 фунтов, а в вас и 170 не наберется. На руднике я поднимал одной рукой 200 фунтов серебра, а вы и сотни не поднимете. Сэр?!

– Говорите, ваш сержант всех русских побивает? Ну что ж, я согласен!

– Какой заклад, сэр? – «малыш Билли» не скрывал своего презрения к недоумку, каким он считал этого русского офицера, который еще вчера ходил пьяный, раскачиваясь на ветру. Видно, что самогон еще не выветрился из его головы и придает храбрости. И потому сержант оскалился дружелюбной улыбкой, показывая всем своим видом, что калечить офицера он не будет, устроит только легкую трепку.

Ермаков достал портмоне, высыпал на совковую ладонь сержанта всю свою наличность и только потом скосил глаза. Бог ты мой, вокруг собралась изрядная толпа русских и американцев. Первые угрюмо смотрели на ротмистра, а поручик Мичурин, стоя за спиной денщика Акима, выразительно покрутил пальцем у виска. Американцы веселились, заранее наслаждаясь зрелищем и предвкушая победу своего соотечественника.

– Константин Иванович, вы в своем уме? – тихо прошепел в ухо подъесаул Гордеев, выразив общее мнение собравшихся на перроне русских.

– Я казак, Михаил Николаевич, и если мои казаки победить не могут, то эта обязанность становится моей. Не мешайте!

– Ставлю в ответ свое жалованье за четыре месяца. Ровно триста долларов! – громогласно объявил «малыш», расстегнул шинель, достал пачку долларов и с помощью шустрого солдата с лычками капрала на рукаве отсчитал купюры.

А Ермаков обалдел – полторы сотни рублей золотом платят сержанту в месяц! Америка отлично содержит своих интервентов в Сибири. В пять раз лучше, чем адмирал Колчак своих ротмистров и капитанов.

Между тем вокруг с кипучей энергией развивался самый примитивный тотализатор – юркие американские солдатики, семитской внешности и с легкой картавостью в голосе, принимали ставки, причем на русском языке они говорили свободно.

Американцы с гоготом выкладывали купюры долларов на своего «малыша», впрочем, были и такие среди них, кто ставил на русского офицера. Краем уха Ермаков уловил, что ставки идут один к семи, и понял, что некоторые янки просто надеются на невероятный фарт задиристого казака, который может принести им большой барыш.

А вот русские со своими кровными не лезли, лишь чубатые казаки вяло бросали «романовские», да изредка катились серебряные рубли. Но раза два или три были брошены и золотые пятирублевые монеты, «полуимперIALы».

Вот только лица у станичников были совсем унылые – из чувства казачьей солидарности они прощались со своими деньгами, совершенно не надеясь на победу ротмистра. Подьесаул Гордеев, с мрачным отрешенным лицом, поступил, как Ермаков – достал из кармана тощий, как козье вымя, кошелек и, не думая, высыпал все его содержимое в шапку устроителя.

Костя расстегнул португую, снял шашку с револьвером, бросил шинель и папаху в руки Акима. С помощью Гордеева стянул шейный крест ордена, затем френч и остался в теплой нательной рубахе.

Машинально провел подошвой по утоптанному снегу – нога не скользила. И тут его словно толкнуло – взяв свое оружие, он подошел к американским офицерам, что с ехидными улыбками взирали на его приготовления.

– Мы офицеры, господа. Вы знаете, что это за оружие? – И он протянул шашку Смит.

Американец взял ее в руки, чуть выдвинул клинок, и его глаза загорелись огоньком наживы, видимо, представил заокеанский джентльмен, как будет хвастать на родине русским раритетом.

– Золотое Георгиевское оружие?! Хорошо, сэр, – Смит расстегнул ремни с кобурой, расстегнул клапан. – Здесь «кольт» 45-го калибра. Добавлю еще один «кольт» и ящик патронов к ним.

Ермаков чуть улыбнулся и перевел взгляд на лейтенанта. Тот сразу сообразил, что при ставках один к семи нужно добавить, причем только оружие, раз русский делает такой выбор. И потому Радклиф живо снял ремень с кобурой, стянул через голову ремешок с биноклем, который был в кожаном футляре. И сказал, улыбнувшись:

– Ставлю еще сотню патронов к моему «браунингу» и швейцарский нож.

Будто ток пробежал по собравшимся на перроне русским – все сразу поняли, что золотое оружие ставят лишь тогда, когда или полностью уверены в победе, или идут на смертный бой.

Шустрые солдатики снова забегали, но на этот раз деньги не собирали, а что-то записывали на бумажки. К удивлению Ермакова, многие американцы тоже что-то записывали на бумажки или доставали мятые долларовые купюры. Но Ермаков уже не смотрел на них, он перекрестился и стал готовить тело к бою, прогоняя дыхание...

«Малыш Билли» стоял несокрушимой уверенной глыбой и нагло заулыбался, когда Ермаков пружинистым шагом подошел к нему. Вот только улыбался он недолго, Костя качнул маятник в стороны и поймал на этот финт американца, нанеся «двойку» – левой рукой в подносье, а правой точно в глаз.

Бокс так бокс, жаль только, что ногами драться нельзя, иначе бы сержант получил сапогом по своим тестикулам, или яйцам, как немудрено называют эту часть тела русские.

Но и этих двух ударов хватило для завязки – Костя еле успел отпрянуть от огромного кулака, который скоростным болидом промчался возле его головы. Отпрянуть-то отпрянул, но

второй кулак «Малыша» скользнул по переносице, и Костя вкусил своей юшки, что капнула алыми каплями. Но и американцу досталось – юркий русский зашел уже сбоку и снова провел «двойку», в ухо и висок.

Недооценил глыбообразный сержант русского офицера, не настроился на серьезный бой, рассчитывал показать шоу. И на какую-то секунду потерял ориентацию.

А Ермакову хватило этой секундочки – уклонился от чудовищного кулака, присел под ним и оттолкнулся правой ногой, одновременно выбросив вверх кулак, направленный в низ квадратного подбородка.

Бил насмерть – в спорте такие удары категорически запрещены, ибо могут сломать шейные позвонки. Но повезло американцу – шея осталась целой, зато он, со сломанной челюстью, отправился в недолгий полет, в котором его разум поглотила темнота...

– Ваша победа, сэр. Чистая, нокаутом. Вот ваши деньги! – сквозь дикий казачий рев Костя услышал слова устроителя.

Чьи-то руки быстро надели на него форму, застегнули крючки шинели и ремни португеев. И лишь когда он почувствовал свою ладонь на рукояти шашки, к нему вернулась способность оценивать этот мир.

Зря он грешил на ротмистра Арчегова – ноги у того оказались крепкие, а иначе в седле не усядешь. И руки не подвели – сабельной рубке не зря учат. И дыхалка отменная – все же почти на десять лет моложе. И Костя улыбнулся – тест на профпригодность он сдал.

Но его улыбка была воспринята окружающими иначе – она была встречена новыми порциями восторженных криков, причем американцы отошли от шока, вызванного внезапным поражением их кумира, и, надо отдать им должное, радостно приветствовали победителя. Хотя и проиграли на ставках немалые деньги.

Все же они достойные и отнюдь не зловерные парни. И потому Костя взял только свои золотые, а бумажные доллары «малыша Билли» отвел рукой. И, напрягая горло, громко обратился к американцам:

– Я не возьму эти деньги, парни. Пусть они пойдут вашему сержанту на поправку здоровья, он крепкий малый и также был достоин победы. Отдайте ему доллары. Кроме одного «сэра Франклина», вы уж выпейте за его здоровье! Пусть он быстрее поправится!

Восторгу янки не было границ, парни загоготали, что твои гуси. А Ермаков только сейчас понял, что изрядно их напоил – на двести рублей золотом можно взять сто бутылей самогона, похожих на ту, что пустая осталась в его купе под полкой. А в том, что солдаты деньги вульгарно пропьют, Костя не сомневался – уж больно унылыми стали лица американских офицеров. И потому стоило им добавить...

– Господа! Русские офицеры не дерутся за деньги как цирковые артисты. Они могут драться за свою честь, родную землю, любовь. Как у нас говорится – за веру, царя и отечество! Но никак не за деньги. А боксом, господа, офицерам надо заниматься, дабы в случае необходимости быть достойными своих солдат!

Костя сделал паузу и повторил сказанное уже на русском. Собравшиеся солдаты двух армий встретили его слова одобрительным гулом. Костя козырнул Смиту и Радклифу, широко улыбнулся:

– Если желаете, то я вам дам несколько уроков бокса. Мы можем начать занятия в удобное для вас время.

– Конечно, сэр. Мы поздравляем вас с блестящей победой. Вы выиграли пари, и оружие ваше, оно будет достойно такого великого бойца. И благодарны вам за приглашение. – Капитан Смит говорил медленно, тщательно подбирая слова.

Шутка не удалась, и ему совсем не улыбалось заполучить плюху от русского офицера под видом урока. А к этому он и стремится, даже глаза горят зловерным пламенем. Ну уж нет,

пусть поищет дураков в другом месте. Но кто ожидал, что этот офицер, который казался им горьким пьяницей, способен уделать «малыша Билли» за каких-то жалких полминуты.

– С радостью воспользуемся вашим предложением. Но, к нашему великому сожалению, у нас сейчас нет времени...

ГЛАВА ВТОРАЯ

С огнем большевистским в груди...

(25 декабря 1919 года)

Слюдянка

– Ваше высокоблагородие, господин ротмистр, – осторожный стук в дверь прервался. Но через несколько секунд по тонкой филенке ударили чуть сильнее, а раздавшийся следом голос был чуточку звонче:

– Константин Иванович! Вставайте, велели засветло разбудить!

Ермаков открыл глаза – и снова купе, заледенелое окно, а в тонкую дверную щель пробивается красная полоска света от керосиновой лампы.

Костя потер ладонью глаза, стирая этим нехитрым приемом остатки сна. И тут же вздохнул – это было не сновидение, не галлюцинация, он на самом деле переместился в тело ротмистра, который, вот смех-то, был старше его на добрых семьдесят лет. От войны к войне переход, от чеченской к гражданской. И Костя криво улыбнулся – он окончательно проснулся.

– Аким Андреевич, зажги лампу, – и не отзвучало последнее слово, как денщик открыл дверь, осторожно зашел, немного пошебуршал в темноте, и купе озарилось сполохами красного света.

Костя соскочил с полки, стремительно оделся, не отказываясь от помощи ловких рук Акима, и через минуту уже в полном параде пошел по освещенному коридору в туалет. А там все было готово к процедурам – на крючке чистое полотенце, на полке зубная щетка, небольшой кусок мыла с запахом дезертировавших тараканов, коробка зубного порошка. В умывальнике горячая вода, исходящая паром...

Совершив утренний туалет, Костя вернулся в купе, где его уже дожидался Трофим Платонович с чашками горячей воды, полотенцем, каким-то порошком и опасной бритвой. И ротмистр вспомнил, что вечером он распорядился привести себя в полный порядок – помыть, побрить, поодеколонить. Костя уселся на стул и предался рукам опытного цирюльника...

Через четверть часа, ровно в половине шестого утра, Костя уже сидел за столиком, на который Аким поставил завтрак – разогретую картошку с мясом (припасена с ужина), копченый омуль, хлеб, соленые огурцы. Горячий чай с сахаром и медом, сладкая коврижка и шаньга с творогом были поданы в завершение завтрака. Ермаков вспомнил вчерашний утренний рацион и усмехнулся – небо и земля.

Да и в самом купе были разительные перемены – он укрывался ночью не шинелью, а теплым ватным одеялом, спал на мягком матрасе, в чистых исподниках. Само купе было выскоблено от грязи, а вагон всю ночь был натопленным. Благодать, о таком комфорте можно только мечтать в военное время. По крайней мере, по своему времени Костя не смог припомнить хотя бы что-то подобное. Там все было гораздо хуже и проще, а обычный спальник казался недосягаемым роскошеством.

Костя глянул на противоположную полку – там была радостная для его сердца картина. В ворохе ременной амуниции – три выигранных у американцев пистолета, неплохой отбалансированный кинжал в потертых ножнах, бинокль в футляре, а под полкой выглядывал самым краешком дощатого угла ящик с пистолетными патронами. Ага, как же – ротмистр Костя Арчевов, легенда русского бокса!

А ведь еще вечером он добавил всем жару – собрал офицеров и десантников с «Грозного» и «Атамана» и устроил показательную тренировку по рукопашному бою: и валял бойцов, и сшибал на снег молодецкими ударами, а в завершение показал САКНОБ – специальный

армейский комплекс ножевого боя. Вот тут офицеры не выдержали, и на Ермакова обрушился град вопросов, зачастую ну очень неудобных.

Пришлось отговориться тем, что в кавказских станицах живут мастера старинного пластунского боя, и тут он нисколько не лгал – боевое самбо именно от них начинало свой путь. И теперь придется трижды в день по часу заниматься с бойцами, жаль только – времени отпущено мало...

– Ваше высокоблагородие, – Костя вырвался из омута мыслей. Боже, как хорошо сидеть в тепле, хорошо поесть, напиться от души чайку, а теперь покурить всласть папироску.

– Мы тут с Трофимом Платоновичем вам подарки кой-какие приготовили, – в приоткрытую дверь чуть протиснулся денщик.

Вроде уже пожилой человек, а ведет себя чистым ребенком. И в глазах щенячий восторг, вот только смотрит иногда как-то странно, с непониманием. Да оно и понятно – ведь его ротмистр кардинально изменил свое поведение, есть над чем задуматься солдату и поломать голову.

В купе неожиданно влезло толстое рыло «Льюиса», а за ним показалась довольная рожа унтера Огородникова. Ермаков очумело захлопал глазами – откуда это чудо заморское уволокли, ухари. Пулемет был новенький, обернут промасленной бумагой, еще в заводской смазке. Трофим тут же ответил на невысказанный вопрос офицера:

– Мы вчера с парнями на вас все деньги поставили, и нам талеров, рублей ихних, целых две сотни уплатили. А после солдатик мериканский появился. Грит, хошь, ребята, за выигрыш свой заместо денежек «Люську»? Лопочет по-нашенски хорошо. Ну, мы переглянулись и согласились – деньги же ихние здесь мало хожи, все в Маньчжурии покупать треба. А «Люська» нужна позарез, вы же всем говорили.

– Молодцы вы, Трофим Платонович, – Ермаков порывисто встал и обнял старого унтера. – Мы теперь покажем им сучью мать. А пулемет отдай на «Грозный», там в них нужда сильная. А на «Беспощадном» их вообще нет.

– Подьесаул Гордеев две тысячи талеров ихних выиграл, он всю экономию бронепоезда поставил, одним золотом больше трех сотен высыпал...

– И что? – Костя был заинтригован: ну дает Михаил Николаевич, растратчик казенного имущества.

– Ему три американца два «Кольки» со станками-треногами ночью приволокли. И патронов к ним с полдюжины ящиков, и еще что-то – я в темноте не разглядел, да и далеко было. Вроде маленькие такие коробки, и провода какие, что ли...

– А вот и я, – в дверь протиснулся Аким Андреевич, держа в руках небольшой вытянутый ящик.

Поставил с кряхтением его на пол (Огородников отодвинул пистолеты и сел на краешек топчана), отщелкнул замки и откинул крышку. Под ней вытянулись, бочком к бочку, пять жирно блеснувших латунных цилиндров.

– Где ты их взял? – хриплым голосом спросил Костя, с тоской взирая на принесенное.

– Американец давешний принес, к «Люське» в добавку. У них там этого добра в вагонах навалом...

– Ты знаешь, что это такое?

– Конечно, вы же вчера сами говорили, ваше высокоблагородие, что снаряды нам нужны. У них трехдюймовых нет, но есть в полтора дюйма. Он их еще в Верхнеудинске уволок из вагонов.

– Из каких вагонов?

– А тут они. Десять вагонов, там охрана постоянно стоит. В них снаряды и пушки малые, чи «Маклены», чи «Максима». Стоят и стоят, а наружу-то не выгружают...

– Спасибо, ребята, идите. Мне подумать надо, – Костя устало опустил на топчан.

Хотелось взвизгивать волком – напланировал он много, а все козлу под хвост:

«Думал на двух стульях усидеть?! И на Иркутск парой бронепоездов пойти, и туннели прикрыть? Да, думал, что поставлю самый худший свой бронепоезд у туннеля, а американцы с пулеметами ответить не смогут. Не по зубам им окажутся шпальные борта. И выйдет у них своеобразная патовая ситуация. А что? Будут улыбаться и расшаркиваться, и при этом смотреть друг на друга в амбразуры! А тут, глянь что получается, у них пушки в вагонах спрятаны. Выкатят они их и прямой наводкой жажнут по бронепоезду. Его-то башни не поворачиваются, с пушки им не ответишь! А ружья для стрельбы из-за угла у меня нет! Равно как и золотой рыбки, чтобы хоть одно желание исполнить! Американские пушки плохонькие, снаряд мелконький, но прощется шпальный борт бронепоезда насквозь с тысячи шагов. А если пушек несколько, то всего за минуту они изрешетят «Беспощадный» таким количеством дырок, каким голодный солдат не истыкает кусок сала своим острым бибутом. А в вагонах янки явно прячут несколько орудий, ведь полк по штату, насколько я помню, имел артиллерию и минометы!»

Костя вскочил с топчана – все правильно, так оно и будет. Орудия подобьют русский бронепоезд, а минометы – незаменимая вещь для выбивания пехоты противника в гористой местности. И в сочетании они способны легко вышвырнуть русских из туннелей Кругобайкальской дороги, пушками внутри, минами снаружи. Проклятье!

Иркутск

– Ваше превосходительство! Мне только что позвонили из штаба округа, управляющий Иркутской губернией Яковлев с самого утра подал в отставку, – голос начальника штаба войск гарнизона капитана Лыба был встревожен до крайности.

– Сука! Еще одна крыса бежит с корабля, – генерал Сычев чертыхнулся, встал из-за стола и прошелся по кабинету. Подошел к окну, прижался к холодному стеклу лбом. Это принесло долгожданное облегчение...

– Пишите приказ, капитан. Объявить город на осадном положении с 12 часов дня этого дня. Добавьте все нужное, согласно действующим законам. И еще один – приказываю начальнику Оренбургского казачьего училища генералу Слесареву обстрелять из имеющегося орудия с утра следующего дня, то есть с пятницы 26-го декабря, казармы мятежного полка в Глазково. Но запрещаю бомбардировать вокзал, станционные сооружения и линию железной дороги, так как обстрел может помешать нормальной эвакуации частей чехословацкого корпуса...

Капитан послушно заскрипел карандашом, делая набросок приказа, а Сычев подошел к столу, дрожащей рукой взял недопитый стакан чая и хлебнул из него добрый глоток. Поморщился – чай совсем остыл, стал неприятным. Отодвинув стакан в сторону, генерал снова подошел к окну и прижался разгоряченным лбом к стеклу.

Уже утро, рассвело, а он уже сутки на ногах. Стоило поздним вечером прилечь на кровать и закрыть глаза, как сообщили по телефону, что глазковский гарнизон восстал. А следом, с разрывом в один-два часа стали приходить сообщения, что восстали солдаты всех частей, расквартированных в Заиркутном военном городке, потом на станции Иннокентьевской. Все окружные склады перешли в руки мятежников из Политцентра...

Сычев заскрипел зубами – щуку съели, а зубы остались. В городе их всех скопом Черепанов арестовал, но глазковские твари уцелели и теперь принялись за свое черное дело.

Барнаул, Томск, Красноярск, Черемхово – и вот теперь Иркутск. Армия оказать помощи не может, она еще не дошла до Енисея. Остается только надежда на атамана Семенова, этого выскочку, мужлана с грязными ногтями, что может двинуть сюда войска. И он уже их выслал, вот только вестей от этого клятого Арчегова нет, где его носит со своими бронепоездами. Чтоб его...

Генерал обернулся – начальник штаба уже вышел из кабинета, а за деревянной перегородкой комнаты характерно стучала печатная машинка. Лыба дело знает и приказы скоро готовит.

И Ефим Георгиевич, как загнанный волк, снова стал мерить шагами кабинет. Подошел к шкафчику, потоптался и решительно открыл дверцу. Внутри стояла початая бутылка водки и граненый стакан. Генерал налил себе на два пальца и «торчком», как в свои лучшие гвардейские годы, хлобыстнул водку единым глотком.

По пищеводу разлилась приятная теплота, и генерал шумно вздохнул. Подошел к столу, вытащил из пачки папиросу («Лира» – это все, что осталось от старого мира, усмехнулся в усы, вспомнив), смял крепкими зубами картонный мундштук и, чиркнув спичкой, закурил. Привычный табачный дым несколько успокоил взвинтившиеся нервы.

И генерал вспомнил столицу, где целый год он, тогда лишь подьесаул лейб-гвардии сводно-казацкого полка, провел при дворе, где он, простой амурский казак, видел императора и императрицу, даже говорил с ними. Как тогда, при встрече Рождества...

– Ваше превосходительство, приказы готовы, – Лыба уже зашел в кабинет и красными от усталости глазами посмотрел на генерала.

Сычев подошел к столу, быстро прочитал напечатанный текст. Взял ручку, обмакнул перо в чернила и размашисто подписал первую бумагу, затем наложил свою подпись на вторую. Поднялся из-за стола, ощерил зубы.

Теперь мятежникам крышка – вначале пушка с Первушиной горы обдолбит Глазково, а потом начнет стрелять по Заиркутному городку, благо дистанция позволяет. И это все, что он может сделать сейчас – чехи не отдадут пароходы для перевозки юнкеров. Сволочи! Но где ротмистр Арчegov? Где его носит со столь нужными сейчас броневидами...

Слюдянка

С утра жизнь на вокзальной станции забила ключом, охватив и деревянный городок, ничем, кроме пары зданий, не напоминавший Ермакову прежнюю, вернее – будущую Слюдянку.

С запада, от Кругобайкалки, в коротком промежутке времени подошли сразу три эшелона – два с русскими беженцами, а третий с чешскими солдатами, числом в сотню, на сорок теплушек и платформ. Хорошо устроились братушки в русских вагонах – вырезали в стенках окна, вставили стекла и установили внутри печки. И всего на четверых солдатиков шел такой вагон, набитый русским добром под завязку, и с русскими женщинами в придачу, для скрашивания суровых солдатских будней. Не войсковой эшелон, а какая-то передвижная барахолка с ППЖ (походно-полевыми женами на армейском жаргоне).

Но Костя понимал этих несчастных женщин, зачастую ехавших с детьми. А куда им было деваться? С малыми через всю Сибирь на своих двоих топать?! Да тут под обезьяну ляжешь, лишь бы детям жизнь сохранить!

И словно по какой-то сговоренности, с востока прибыл эшелон теплушек порожняком, в сопровождении взвода низкорослых солдат, в шинелях с собачьими воротниками, в каких-то малахаях вместо шапок, на ногах – меховые сапоги.

Итак, от союзничков, норовящих воткнуть нож в спину, не протолкнуться. Даже итальянцы с поляками, румынами и сербами где-то в районе Ачинска и Канска болтаются, а тут еще подоспели японцы.

Еще бы, они также не упустят своего шанса отхватить послаще кусок от пирога, являющего собой остатки не известно уже чего: то ли Российской империи, то ли нарождающейся Дальне-Восточной Республики. Хорошо подготовились к сибирским морозам самураи, мать их...

Однако он отдавал должное японцам, ведь, положив руку на сердце, считал их раньше намного худшими из всех интервентов. Но нет – косоглазые вели себя в Слюдянке очень вежливо, прилично даже.

Уважительно к номинальным хозяевам – японские солдаты и офицеры четко козыряли всем русским военным. Дисциплина у них была на высоте – солдаты не переговаривались, не смеялись тем более, и не понять было, какие мысли скрываются за этими щелочками раскосых глаз.

Вместе с солдатами были несколько штатских, в круглых очечках, что Пьер Безухов носил. Изображали корреспондентов, фотографов и кинооператоров – бегали со штативами, делали снимки, с раскрытыми ртами общались как с военными всех стран, так и с беженцами.

Но именно изображали – уже через четверть часа Ермаков только тихо посмеивался: шла замаскированная съемка инфраструктуры станции, подходов к ней, состояния железнодорожных путей. Интересовали «штатских» и американцы, и русские бронепоезда. Насмотрелся на «фотографов» Ермаков и задумался. А ведь может дело выгореть, может... Если узкоглазые помогут...

А вот чехи вели себя совершенно противоположно, будто они есть пупы вселенной, выше них только звезды, а круче них только яйца.

Привокзальную площадь братушки превратили в толкучку, покупая у бурят и русских крестьян всякие продукты – мороженое мясо и рыбу, муку и свежесдобитый хлеб, соленья-копчения и даже воз сена.

За всю эту благодать чехи отдавались сукном и сельскохозяйственными орудиями труда, бутылками с какой-то жидкостью, судя по всему – со спиртом. Также расплачивались иголками, чайниками, кастрюлями, ведрами и иными полезными вещами из своих казавшихся бездонными вагонов.

– Суки, хорошо пограбили нас, – вполголоса, как бы возмущенно, но с нотками зависти, заметил хорунжий Пляскин, чубатый и веселый казак, полностью оправдывавший свою фамилию. Такой и с прибаутками драться будет, и в пляске удалые коленца отбивать начнет всем на загляденье.

Костя его в адъютанты свои определил, хоть и не по должности было. Но возражений ни у кого не последовало – раз атаман Семенов позавчера приказал всем русским военным на Кругобайкальской дороге подчиняться ротмистру Арчегову, значит, и адъютант ему положен де-факто.

– Живут же, сволота, – завистливо вздохнул хорунжий еще раз и осторожно посмотрел на ротмистра. Тот взирал на происходящее с бесстрашием мудрого даоса, достигшего нирваны. Через минуту до ужаса спокойным голосом Константин Иванович изрек:

– Через три дня им наше добро расширит... – и добавил такие слова, что Пляскин в изумлении оторопел, стараясь запомнить их, чтобы потом блеснуть услышанным подарком.

– А это что за пенители морей?! – Ермаков узрел за оттаявшим окном буфета черные шинели и золотые офицерские погоны порядочной, в четыре человека, компании.

Моряки уже перекусили хлебом и чаем и собирались уходить. Костя решил их подождать в забитом зале вокзала, куда и вошел величаво, хлопнув тяжелой дубовой дверью.

И стоял там равнодушно, хотя остро чувствовал всей спиной удивленные взгляды собравшихся здесь пассажиров. В большей массе штатских, разных профессоров, чиновников, коммерсантов и прочих беженцев, отягощенных женами и детьми, с большими баулами и чемоданами. Это были те несчастные, что замаялись ждать отправления в холодных теплушках.

В отражении оконного стекла Ермаков видел, как к морякам подошел его адъютант, коротко представился и показал на него. Офицеры чваниться не стали, а дружной компанией подошли к обернувшемуся ротмистру.

– Старший лейтенант Тирбах Петр Игнатьевич, – отковырял четко, глаза цепкие, но старше Арчегова лет на пять будет.

– Помощник начальника Читинского училища полковник Анатолий Тирбах вам не родственник? – Ермаков вежливо поинтересовался у моряка (книжки не зря читал, фамилия-то звучная, сразу в память запала).

– Младший брат, господин ротмистр.

– Хорошо. А вы, господа?

– Лейтенант Мюллер Владимир Оттович, – этот лет на десять постарше Арчегова будет, как и следующий офицер.

– Поручик по адмиралтейству Запрудин Михаил Иванович.

– Инженер-механик, лейтенант Лабуза Борис Сергеевич, – четвертый, самый молодой, поручику в сыновья годится, а ротмистру в ровесники.

– Куда едете, господа? – прикольно, конечно, но, будучи самым молодым, Костя был старше по чину, и лишь Тирбах ему равнялся по званию.

– В Харбин, Константин Иванович, следуем из Омска, с имуществом и вооружением Иртышской флотилии. В вагонах находятся семьи офицеров, – негромко ответил Тирбах.

– Вы не уделите мне полчаса, господа? – короткие кивки. – Тогда пройдемте в мой вагон, он у самого перрона стоит...

Они без раздумий пошли за ротмистром, и через пару минут все сидели в штабном купе. Моряки расположились по местам чинно, но Ермаков остался стоять, предложив закурить из раскрытой пачки, как радушный хозяин. Не чинились альбатросы морей, раскурили предложенные папиросы и с любопытством уставились на гостеприимного ротмистра.

– Вы недавно мимо Порта Байкал проезжали, – то ли спросил, то ли сказал Костя. Моряки кивнули, и Ермаков почти без промедления продолжил:

– Какие суда там стоят, господа? И пригодны ли они к плаванию, есть ли на них военные моряки, вооружение?

– На рейде стоят ледокол «Ангара», пароход и катер. В Лиственничном еще два парохода. Все эти корабли, – Тирбах особо выделил это слово, – Байкальской флотилии пригодны и способны дойти до Мысовой на той стороне, благо лед не установился. Командует флотилией капитан первого ранга Фомин, мы с ним встречались. Офицеров флота там больше нет, да и не нужно. На кораблях есть армейские офицеры в должности комендантов.

Тут Тирбах криво улыбнулся, и Косте это сильно не понравилось – неприязнь между флотскими и армейскими офицерами царила и в белой армии, а это было очень плохо для претворения его планов. Между тем Тирбах продолжил говорить спокойным голосом:

– Матросы остались прежние, с речных судов. Артиллерии, за исключением полевой трехдюймовки на «Ангаре», да и та на деревянных салазках, на кораблях нет. Имеются только пулеметы – на пароходах по штуке, на ледоколе, может быть, парочка, не больше, а катер и их не имеет.

– А что вы везете из вооружения в своих вагонах?

– Две морских 75-миллиметровых пушки Кане, трехдюймовую тумбовую горную пушку, пять мелкокалиберных морских тумбовых пушек в 37 и 47 миллиметров...

– Снаряды к ним есть?

– Только к двум мелкокалиберным в 47 миллиметров около сотни штук. К Кане есть семь снарядов и сотня неснаряженных гильз.

Вздых разочарования вырвался у ротмистра, и он явственно заскрипел зубами. Это заметили все моряки, и Мюллер осторожно спросил:

– А в чем дело, Константин Иванович?

– Дайте слово, что сказанное здесь сохраните в тайне?

Моряки недоуменно переглянулись между собой и дружно дали слово чести. Что они были заинтригованы разговором, то это слабо сказано – офицеры заерзали на сиденьях от несдерживаемого любопытства.

– Адмирал Колчак с литерными эшелонами задержан сегодня чехами в Нижнеудинске. Российское золото теперь в их руках, – сгустил самую малость краски Ермаков. – В Глазково, напротив Иркутска, вчера вечером выступили эсеры и гарнизонные солдаты, началась стрельба. Понтон сорвало ледоходом, а все пароходы оказались в руках восставших или чехов, которые им благоприятствуют.

– Еще бы, русское золото эсеры за помощь им и отдадут, – Тирбах первый высказал будущую историческую правду. Моряки разом помрачнели.

– Вот приказ атамана Семенова, сегодня адмирал Колчак назначил его командующим над войсками Иркутского военного округа. Читайте, Петр Игнатьевич, – Ермаков расстегнул карман френча и достал из него приказ, специально изъятый утром у начальника штаба.

Тирбах прочитал приказ про себя, потом громко, для всех. Не хотели моряки подчиняться Арчегову, он это ясно видел на их лицах. Наконец, после короткой паузы, Тирбах произнес:

– Что вы собираетесь предпринять, господин ротмистр?

– Выполняю приказ генерала Семенова. У меня три бронепоезда и три сотни солдат. Через день я выдвигаюсь к Иркутску. Восстание я подавлю, иначе последует крах для всей российской государственности. Потому обращаюсь к вам за помощью – ведь надо на чем-то войска через Ангару переправлять – в городе несколько военных училищ и надежных частей. Да и прибытие вооруженных пароходов окажет на всех большое воздействие.

– Вооружить пароходы нашими пушками можно за сутки, установка не займет больше времени, – поручик задумался и добавил: – А то и на шесть часов раньше срока. Я в порту кран и лебедку видел.

– К трехдюймовке можно снаряды взять с «Беспощадного», у него в носовом каземате я видел ствол горной пушки, – предложил Тирбах. – Вот только снарядов в полтора дюйма у нас нет.

– Снаряды в 75 миллиметров на бронепоездах в достатке, – осторожно вошел в разговор Ермаков, боясь спугнуть удачу. Раз начали водоплавающие технические проблемы обсуждать, значит, помощь окажут.

– Наши гильзы снаряжать порохом надо, – тут же вклинился лейтенант Миллер, – а насчет снарядов? Риск, правда, большой, они ведь короче, да и точность будет малая...

– Намного лучше, чем у салазочной, – перебил Тирбах и подытожил: – Да и гильзы к Кане есть, снарядить только. Но матросов у нас в вагонах всего девять человек плюс кондуктор. Невелика сила, на пароход не хватит...

– Прикажу все части прошерстить – моряков двадцать, думаю, наберу. Пехотных артиллеристов дам, за сутки как-нибудь натаскаете? И еще одно – ваши вагоны прицеплю к «Беспощадному», он сегодня в Порт Байкал пойдет. Просьба у меня – в носовой каземат бронепоезда нужно поставить трехдюймовку с «Ангара», а горную с него установить на колеса. Взамен с бронепоезда выделяют полсотни снарядов к вашей горной пушке, и дадим десяток пулеметов для вооружения кораблей. Хорошо?

– Хорошо, господин ротмистр. Но что будет с семьями?

– Разместите в Порту Байкал, сегодня же. Поставим всех на паек и денежное довольствие, выплатим семьям по 20 рублей золотом, вам, господа офицеры, по 30 рублей, матросам по 10 рублей. Достаточно на первое время? А в Харбине вам делать нечего, по Байкалу будете плавать...

– Извините, Константин Иванович, но моряки ходят на своих кораблях, а не плавают, как... – не закончил срамным словом Петр Тирбах, только возмущенно скривил губы. Остальные от обиды угрюмо засопели, поддерживая своего товарища.

– Сдаюсь, – с улыбкой поднял руки Ермаков, – простите великодушно, хотел вас расшевелить. Но к делу. Вас, Петр Игнатьевич, назначаю старшим над командой. Подполковник Наумов, наш интендант, выдаст деньги на подготовку пароходов – две тысячи рублей. Золотом! Это на первое время. У вас 48 часов на все – к утру послезавтра пароходы должны пойти на Иркутск. Ваши вагоны отправятся через час, прибудете в Порт Байкал с авангардом и принимайтесь за дело. Нужные приказы я сейчас отдам. А насчет снарядов в полтора дюйма... Я сейчас приду.

Ермаков вышел из купе, позвал Акима и приказал тому принести ящик со снарядами, полученный от американцев. Занес его в купе, откинул крышку и спросил у моряков:

– Такие подойдут?

– Годятся, одного типа, – тут же чуть ли не хором уверенно ответили ротмистру моряки.

– Тогда у меня все, господа, – Ермаков встал со стула. Одновременно поднялись и моряки. – А снаряды мы к ночи достанем...

Нижнеудинск

Все действующие фигуры для решающей партии были расставлены, ходы были просчитаны и подготовлены заранее. Правда, оставалась еще одна фигура, когда-то ферзь, а теперь жалкая пешка в руках чехов – адмирал Колчак, застрявший здесь с литерным эшелоном, под завязку забитым тоннами русского золота.

Как переспелая груша, вагоны с тяжеленькими слитками, находящиеся пока еще под реальной охраной чехов, могли упасть в руки красных со дня на день. И именно эту партию с участием золотого запаса бывшей империи и обанкротившегося Верховного Правителя России эти три силы – чехи, эсеры и красные – готовились разыграть в любой момент.

Подобно обманчивой тишине водной глади Байкала, готовой в любой момент смениться на крушащие все на своем пути порывы, несущиеся пенным валом брызг, по воле безжалостного Култука или Баргузина, или прекрасной в своей неукротимой ярости Сармы, конец декабря 1919 года был затишьем перед бурей...

Колчак задремал на жестком диванчике – прошли уже целые сутки томительного и тягостного ожидания паровозов, которое сломило и его. И потому не сразу адмирал очнулся от короткого беспамятства тревожного сна. За окном уже рассвело...

– Ваше высокопревосходительство! Проснитесь! – в дверь купе сильно постучали кулаком и сразу открыли. Адмирал уже сидел на диване, застегивая воротник кителя и моргая глазами.

– Чехи наши паровозы отбирают! Арестовали всю бригаду машинистов! – начальник личной охраны подполковник Удинцев был красным, как вареный рак, и кипел яростью. Сон как рукой смахнуло, и адмирал вскочил, будто ошпаренный кипятком.

– Поднимайте охрану в ружье, полковник! – голос Верховного Правителя зазвенел от гнева.

Чехи окончательно обнаглели, превратились из союзников в оккупантов и грабителей и губят его отступающую армию. В ярости Колчак ударил кулаком по столу – все им мало, вначале отобрали все пассажирские вагоны и Верховному Правителю едва нашли достойный его положения вагон, а теперь за паровозы принялись...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.